

Воронежский государственный университет
Факультет журналистики

УМО-регион

Сборник информационных
и научно-методических материалов

Выпуск № 17

Воронеж
2017

УМО-регион. Сборник информационных и научно-методических материалов / Отв. ред. Бебчук Е.М. – Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2017. – 98 с.

© Коллектив авторов
© Факультет журналистики ВГУ

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Очередной выпуск «УМО-регион» посвящен двум вопросам: преподаванию истории и теории журналистики на трех уровнях высшего образования – в бакалавриате, магистратуре, аспирантуре, и реализации научной специальности 10.01.10 «Журналистика».

Открывает сборник дискуссионная статья академика РАН, директора Института Волги Г. Розенберга «РАН, ФАНО, ВАК, WoS, ХИРШ и другие буквосочетания, или что принесла «перестройка» фундаментальной науки и образования?..». В основном разделе профессор В.В. Тулупов размышляет о современных подходах к теории журналистики, доцент Ю. А. Гордеев делится опытом преподавания дисциплины «Основы теории журналистики», профессор С. Л. Страшнов рассматривает научно-практическую конференцию как средство консолидации регионального медиасообщества. В выпуске также представлены обзор научных журналов о журналистике и список журналов ВАК в предметной области «Филологические науки» («Литературоведение»).

Составителю бюллетеня интересно было поделиться опытом формирования учебного плана в условиях оптимизации российского образования.

Думается, читателю будет любопытно и полемическая статья Аллы Кирилиной «Не пора ли перестать бояться Тараканища? Диссертации под лупой “Диссернета”», опубликованная в «Литературной газете».

РАН, ФАНО, ВАК, WOS, ХИРШ И ДРУГИЕ
БУКВОСОЧЕТАНИЯ,
ИЛИ ЧТО ПРИНЕСЛА «ПЕРЕСТРОЙКА»
ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ
И ОБРАЗОВАНИЯ?

Что было пороками, то теперь вошло в нравы.

Quae fuerunt vitia, mores sunt.

Луций Анней Сенека (4 до н. э. – 65).

Автор неоднократно высказывался по ходу реформ, что облегчило подготовку этого материала (некоторые тексты будут просто воспроизводиться с комментариями).

Вот с таким письмом 31 марта 2014 г., всего через полгода после выхода Федерального закона от 27 сентября 2013 г. N 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ко мне обратилась журналист газеты «Самарское обозрение» Дарья Синицина:

Уважаемый Геннадий Самуилович!

Газета «Самарское обозрение» готовит спецвыпуск, посвященный реформированию РАН. В связи с этим просьба прокомментировать несколько вопросов по теме.

<...>

Просьба ответить на вопросы к 7 апреля 2014 года.

С уважением,

корреспондент газеты

«Самарское обозрение»

Дарья Синицина

31 марта 2014 года

Далее. На сайте газеты «Известия» 25 декабря 2014 г. было размещено интервью помощника президента Российской Федерации Андрея Фурсенко «О перспективах российской науки: взгляд со Старой площади» [1], которое взял у него социолог-исследователь с философского факультета МГУ Александр Биков. Крайне негативно относясь к методам проводимой реформы российской науки и РАН, я не мог не отреагировать на это интервью [2], которое меня никоим образом не удовлетворило ни по описанию достигнутых результатов, ни по перспективам её (реформы) дальнейшего развития. Моральным основанием для вступления в эту дискуссию (в какой-то степени одностороннюю) для меня стало как совпадение некоторых деталей наших биографий (я старше Андрея Александровича всего на полтора месяца, также родился в семье интеллигентов [отец – инженер-связист, брат – доктор химических наук], я доктор биологических наук, правда, защитил диссертацию на 6 лет раньше), так и ряд существенных различий (после окончания Башкирского госуниверситета [физико-математический и биологический факультеты] и службы в советской армии, как я уже отмечал, был связан только с академией наук [АН СССР и РАН; по воле, в том числе и Фурсенко, мне «подмочили» биографию, и последние годы – с Федеральным агентством научных организаций – ФАНО...], 28 лет я возглавляю Институт экологии Волжского бассейна РАН в г. Тольятти, чл.-корр. РАН с 2000 г. [всего через 13 лет после того, как чл.-корр. стал историк Александр Александрович Фурсенко [с 1990 г. академик], отец Андрея Фурсенко; пустячок, но греет душу]).

Таким образом, в дальнейшем изложении я буду опираться на эти два интервью, взяв за основу первое из них [3,4]. Также буду делать некоторые «лирические отступления», в основном, осовременивающие рассматриваемые проблемы.

Итак, результат – перед вами.

1. Как Вы оцениваете систему реформирования РАН?

Негативно. Это не реформа – а погром.

Уже через пять дней после заседания Правительства Российской Федерации (27 июня 2013 г.), на котором обсуждался во-

прос о реформировании системы государственных академий наук, в Институте экологии Волжского бассейна РАН прошло собрание коллектива сотрудников. Решение собрания было оформлено достаточно жестким письмом в адрес президента РАН – академика Владимира Фортова, академика-секретаря Отделения биологических наук РАН – академика Алексея Розанова, председателя Правительства РФ – кандидата юридических наук Дмитрия Медведева и председателя Государственной Думы – доктора экономических наук Сергея Нарышкина (см. [5]).

В академической среде популярна версия, что причина гононий на РАН – личные обиды на АН со стороны некоторых влиятельных лиц из ближайшего окружения президента (в частности, Михаила Ковальчука, Андрея Фурсенко и др.). Но мне кажется, что истинная причина «реформы» заключалась в том, что АН была слишком независимой структурой и отсюда исходили мнения, которые не устраивали власть. По сути, за реформой стояла попытка власти убрать влиятельную оппозицию. И эта попытка удалась. Сейчас АН бесправна и безголоса.

Почему с Российской академией наук (старейшим после церкви, уважаемым в мире институтом) обошлись как со злейшим врагом, – уничтожили быстро, безжалостно, хладнокровно, вероломно, с хорошо подготовленной и весьма грязной пропагандистской кампанией («ученые-мракобесы», по определению тогда спикера Госдумы Бориса Грызлова, или «дряхлые академики», по министру образования Дмитрию Ливанову), несколькими тактическими отступлениями и даже с дезориентирующими и усыпляющими переговорами самого главы государства? Почему руководители страны чаще всего негативно относились (и относятся) к АН, занимающейся фундаментальными исследованиями? Примеры? Пожалуйста. «Республика не нуждается в ученых!», – так заявили в 1793 г. члены французско-революционного трибунала, приговорившие к смерти Антуана Лавуазье. Николай I издал особый рескрипт, где указывал, что АН следует извлекать прибыль из имущества, которое временно для науки не используется. Иосиф Сталин реорганизовал АН в конце 20-х годов, осуществив в нее «коммунисти-

ческий призыв» и создал «шарашки». Он ученых не любил, но был вынужден терпеть, ибо от их результатов зависела судьба страны. Говорят, что Никита Хрущев в расстройстве чувств именно после неудачной своей попытки поломать систему АН заявил: «Трогать науку, что стричь поросю – визга много, а шерсти мало». При смещении Хрущева на Октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г. ему в вину одним из первых пунктов поставили неспособность установить деловые контакты с АН СССР...

Цель премьер-министра Дмитрия Медведева (Ольги Голодец, Андрея Фурсенко, Дмитрия Ливанова...) в июне-июле 2013 г. была весьма благая, прямо «царская» (см. выше), – учёных «следует освободить от всех сопутствующих функций, и <...> избавить их от несвойственных функций управления имуществом и коммунальным хозяйством», и дать возможность сосредоточиться на научных исследованиях, – выглядит дурной шуткой. Подразумевалось, что Владимир Путин, конечно же, не знал об этой «цели», хотя такое незнание тоже не с лучшей стороны характеризует его как руководителя ядерной державы...

Чиновникам вообще непонятны резоны, по которым люди занимаются наукой (особенно, фундаментальной). Ученые – странноватые чудаки, и неизвестно, что от них ждать. При этом многие из этих «чудаков» связаны с национальной безопасностью – занимаются проблемами, влияющими на обороноспособность страны, экологическую безопасность, здоровье населения, социальную и экономическую стабильность. Ясно, что существование такой большой организации, сотрудники которой «не понимают» основ современной государственной политики, критически относятся ко многим начинаниям правительства, все время вызывало и вызывает дикое раздражение, беспокойство и злость у власти.

Дело в том, что, как ни странно, власть боится АН. Академия всегда была авторитетна, самостоятельна, не всегда покорна и фактически неуправляема правительственными чиновниками. Более того, заниматься творчеством (а фундаментальные исследования – это творчество) можно только будучи внутренне сво-

бодным. О сохранении в России высокого доверия к АН говорили и опросы общественного мнения в 2014 г.: рейтинг доверия к Российской академии наук оказался максимально высоким – 67 %, выше расположившихся следом РПЦ и президента РФ; у правительства, министерства образования и науки, Государственной думы неизмеримо худшие показатели. Этого Академии простить никак нельзя. Слишком умными себя, видишь, считают. Разговоры о том, что от Академии нет толку, – это лицемерное прикрытие собственной непрофессиональности.

Расходы на науку в России на душу населения в 7 раз уступают Финляндии, где первый университет появился благодаря русскому царю. Ежегодно Россию покидает 15 % выпускников вузов. Занятость в научном секторе по сравнению с советским периодом уменьшилась в 3 раза. В своем интервью Фурсенко замечает, что «надежды на частный бизнес не очень оправдались. За прошедшие 12 лет у нас произошел мощный рост бюджетного финансирования науки. Далеко не всегда базового, но и упомянутого грантового. Одновременно деньги пошли через контракты. Изначальный расчет состоял в том, что вложение бюджетных денег приведет к росту совместного финансирования. К сожалению, этого не произошло <...>. Сейчас бизнесмены не просто не вкладываются в обновление технологий и снижение затрат, они не формулируют заказ для науки».

Главная причина упадка науки – не слабая АН, а то, что наука не нужна «ресурсному обществу» и экономике ренты, а ученые своими стенаниями лишь раздражают слух «эффективного менеджера»¹. Наука сама превращается в сырьевую отрасль: мозги и знания экспортируются за рубеж, но в отличие от нефти – даром и во благо наших мировых конкурентов. Беда не в формах организации науки, а в её фатальной невосприимчивости этой экономикой (солидарен с мнением Нобелевского лауреата, академика Жореса Алфёрова), в нежелании

¹А. Фурсенко: «Важность этого вопроса (приоритеты развития фундаментальной науки. – Г.Р.) я в полной мере ощутил, когда в Совет при президенте пошел вал предложений от Академии наук и других организаций, где главной составляющей была сумма прописью» [2].

власти прислушиваться к носителям знания (интеллекта), в искусственной ориентации на «результат здесь и сейчас», в идеологической установке на квази(лже)науку («петрики») и уже реальное мракобесие.

Из интервью Фурсенко: «И людям в науке, и тем, кто к науке отношения не имеет, до сих пор не всегда удается адекватно оценить то, что у нас в науке получилось и получается, а что нет»². Смелое заявление. Тем, кто «в науке» – это не дано, а вот «эффективному менеджеру» все видно.

Заказывать исследования и оценивать их результаты, казалось бы, должно государство. Но власть попросту не понимает предлагаемых ей перспектив и результатов исследований и поэтому не читает ежегодных академических отчетов. Сотни крупных инновационных проектов, предлагаемых АН правительству, остаются без внимания. Власть не имеет никакой внятной научно-технической политики и поэтому боится быть уличенной в вопиющей некомпетентности. В стране нет структуры, достаточно компетентной для оценки научных результатов РАН. И вместо того чтобы на высшем государственном уровне создать структуру, определяющую научно-техническую политику (типа ГКНТ СССР), Правительство РФ уже 10 лет безуспешно пытается создать параллельную фундаментальную науку в ряде доверенных вузов и научных центров (например, в «Вышке» – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» или в «Курчатнике» – Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт») и заказывать исследования «этой науке». Результаты такой работы мизерны [<http://polit.ru/article/2013/10/19/fobia/>].

Мы любим ссылаться на «цивилизованные» страны, в том числе на США. В Штатах основной вклад в фундаментальные

²Правда, один из предшественников Фурсенко, министр науки, высшей школы и технической политики РФ Борис Салтыков, выступая на конференции ученых научных учреждений РАН 10 декабря 1991 г. в Актовом зале МГУ, говорил более осторожно и уважительно: «Едва ли мы в Министерстве сможем сами придумать что-то более умное для науки, чем то, что может предложить научное сообщество. Я предлагаю всем, у кого есть здравые и свежие мысли, приходить к нам и советовать» ...

исследования вносит государство. Бизнес в Америке так же, как и везде, заинтересован в прибыли. И он финансирует в очень большом объёме опытно-конструкторские разработки, чего не делают наши предприниматели (более того, разрушена сама система прикладной науки и все яснее просматривается попытка власти переложить ответственность за это на АН и потребовать от нее моментального внедрения её разработок). Но фундаментальные изыскания, которые в перспективе становятся основой целых отраслей, оплачивает государство.

Мне кажется, что движущим началом такой генеральной «реформы» фундаментальной науки стал ничем не обоснованный постулат «у нас» – плохо, «у них» – хорошо». Но почему нас подталкивают, а мы радостно забываем свое прошлое? Я был делегатом конференции ученых научных учреждений РАН в декабре 1991 г. и хорошо запомнил последнее выступление в качестве президента АН СССР академика Гурия Марчука: «Советская наука обнаруживала высокую эффективность и удивительную жизнестойкость в очень сложной внутривластной и международной обстановке потому, что она была целостной системой <...>. Дай Бог, чтобы нам удалось компенсировать подобную ущербность интеграцией в мировое научное сообщество, достраивая недостающие звенья, но скоро и этого может не получиться, даже при самых благоприятных обстоятельствах, до которых весьма далеко. Но главное – это процесс разрушения нашего научного потенциала как целостной системы. Наука – единый живой организм, а не конгломерат автономных механизмов...». Горькие, но справедливые (и очень актуальные сегодня) слова.

В СССР существовала хорошо отлаженная система так называемого научно-технического прогресса. Академическая (фундаментальная) наука разрабатывала некие инновации (на основе госзаказов и в рамках государственной политики в сфере научно-технической деятельности, которую с 1948 по 1991 гг. осуществлял специальный орган государственного управления СССР – Государственный комитет по науке и технике [ГКНТ]); во главе ГКНТ стояли академики Владимир Кириллин, Гурий Марчук, Николай Лавёров и другие крупные ученые и «вне-

дренцы»); большой сектор прикладных (отраслевых) НИИ «доводил» эти разработки, осуществляя важную функцию связи между наукой и производством (на конец 80-х годов это было примерно 5 тыс. НИИ и КБ); наконец, предприятия внедряли их и совершенствовали, оптимизируя в рамках конкретных производств. Причем отношение вкладываемых средств выглядело как 1 : 10 : 100 (естественно, для наглядности). В новой России такая система оказалась невостребованной, и первым «рухнул» второй блок – внедренческие НИИ. Некоторые из государственных академий (медицинская, сельскохозяйственная, архитектуры и строительных наук) сохранили в своей структуре научно-производственные подразделения, а вот РАН осталась без помощников, что вкупе с отсутствием на протяжении 25 лет внятной государственной научной политики и резкого падения востребованности науки в России сказалось на своего рода «окукливании» академии; в этой ситуации в отношении фундаментальной науки РАН в какой-то степени подменила ГКНТ.

Справедливости ради отмечу, что в XXI веке РАН пыталась и сама, и с помощью Правительства найти пути реформирования. Так, например, в 2005 г. академия приняла (а потом отменила) «возрастной ценз» на занятие руководящих должностей в академических институтах. На основании постановления Правительства РФ от 22 апреля 2006 г. № 236 «О реализации в 2006-2008 годах пилотного проекта совершенствования системы оплаты труда научных работников и руководителей научных учреждений и научных работников научных центров Российской академии наук» была оптимизирована сеть подведомственных научных учреждений и научных центров РАН (ликвидировано 28 научных организаций и создано 5 новых), произошло сокращение на 21 % как общей численности «бюджетных» работников научных учреждений РАН, так и собственно научных сотрудников), средняя заработная плата научных работников учреждений РАН, финансируемая из средств федерального бюджета, возросла в 5,65 раза (постановление Президиума РАН от 14 апреля 2009 г. № 107). В полтора раза увеличилась «публикационная активность» научных

сотрудников; академия стала готовить доклады Президенту РФ и в Правительство РФ о состоянии фундаментальных наук в госакадемиях Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными. Наконец, потребность в реформе РАН получила развитие и в предвыборной программе в президенты РАН 2013 г. академика Владимира Фортова. Там она была достаточно подробно прописана.

Не буду пересказывать дальнейшую историю проведения реформы РАН, начиная с лета 2013 г. РАН, которая объединяла более 100 тысяч научных сотрудников и около 1300 членов академии, занимающихся фундаментальными научными проблемами (по Уставу РАН 2007 г. [п. 6] «она объединяет членов Российской академии наук – действительных членов [академиков] и членов-корреспондентов, избираемых Общим собранием Академии, и научных сотрудников подведомственных Академии организаций»); *(выделено мной. – Г. Р.)*, «приобрела» вошедших в нее по федеральному закону № 253 около тысячи новых членов из медицинской и сельскохозяйственной академий, но лишилась своей основы, тех самых 100 тысяч научных сотрудников. И действительно, по новому уставу РАН из объединения ведущих ученых страны превратилась в «клуб академиков», что вполне отвечает представлениям Фурсенко: «Мое понимание заключается в том, что РАН занимается работой, которая необходима для формирования научно-технической политики. В отличие от текущих научных работ, которые ведутся в институтах, где практически все эти академики работают директорами, научными сотрудниками, консультантами. Там они могут реализовать себя как ученые в определенной тематике. Здесь, в Академии, они могут реализовать себя как меж- и наддисциплинарное сообщество, которое способно дать нетрадиционное решение ключевых проблем страны». О том же говорит и еще один «реформатор» РАН, чл.-корр. РАН Михаил Ковальчук (из выступления на заседании Совета по науке и образованию при Президенте РФ 8 декабря 2014 г. в Санкт-Петербурге): «Сегодня парадигма науки изменяется, мы можем начать противоположный процесс: из этих отдельных дисциплин складывать

единый образ неделимой природы – и фактически перейдём на новый технологический уклад. Но для этого нужна междисциплинарность <...> Чем быстрее мы создадим плацдарм для междисциплинарных исследований, тем гарантированной мы будем готовы к новому прорыву на междисциплинарной базе».

Но мне трудно (невозможно) представить развитие междисциплинарных исследований путем объединения нескольких институтов, подведомственных сегодня ФАНО, в новый «большой институт» или «кластер». Возьмем мной любимую экологию. То, что это – междисциплинарная наука, ни у кого не вызывает возражений. Вспомним хотя бы слова профессора университета в Ольстере (Северная Ирландия) Эймьяна Макфедьена [Amyan Macfadyen; 1920-2015]: «Приходится признать, что эколог – это некто вроде дипломированного вольнодумца. Он самовольно бродит по законным владениям ботаника и зоолога, систематика, зоопсихолога, метеоролога, геолога, физика, химика и даже социолога: он браконьерствует во всех названных и во многих других уже сложившихся и почтенных дисциплинах» [6, с. 15]. Но тогда такой «большой институт» будет равен «маленькой академии». Или, например, проблемы леса. Россия – лесная страна, и где, как не у нас, разрабатывать фундаментальные проблемы лесоведения? Давайте объединим несколько академических институтов лесного профиля, многочисленные лесные опытные станции системы сельскохозяйственной академии, ряд других организаций. Но что будем делать с Институтом космических исследований? «Вливать» его в этот «лесной кластер» или создавать параллельный ИКИ (сегодня, решение современных задач лесоведения не видится без привлечения наблюдений Земли из космоса). Оставим ИКИ для «космического кластера»? Но как мы обойдемся в этом случае без институтов наук о Земле и Жизни? Они же уже вошли в «экологический кластер» ... А в ином варианте все это «кластеры» будут ущербны и не обеспечат декларируемый переход на «междисциплинарную парадигму».

Выход из этой ситуации я вижу только в создании крупных федеральных научно-исследовательских программ и проектов,

что всегда было основой междисциплинарных исследований в РАН (как говорил Михаил Жванецкий, «без всех этих хлопот»). Без четкой формулировки целей реформирования со стороны Правительства (читай, национальных проектов и федеральных целевых программ), никакое объединение не будет эффективным (вспоминаем басню ординарного академика Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности Ивана Крылова «Квартет»). Кто должен разработать и оптимизировать с учетом современных политических и экономических условий такую систему программ (Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013-2020 годы, утвержденная Правительством в 2012 г., уже через год устарела...) – это особый вопрос. Министерство образования и науки? ФАНО? некий «ГКНТ»? РАН (это соответствует новым функциям академии, но кто будет реализовывать эти планы)? Фурсенко предлагает новые «площадки»: «ФАНО провело уже целый ряд сессий с учеными в разных регионах, куда привлекается не только Президиум, но и «средний класс» науки. Идет активный диалог с молодыми специалистами и учеными. Глава ФАНО Михаил Котюков провел серию встреч и создал площадку по работе с молодыми учеными <...> Конечно, эта система могла бы работать и в старой РАН, но система связей в ней устоявшаяся: Академия выросла и старела вместе со своими членами, повышался средний возраст, и все эти связи было тяжело обойти. Когда возникает новая система, для человека творческого есть возможность предложить свое решение в рамках существующих и вновь формируемых правил». Опять Фурсенко смешивает понятия: для него РАН – это только академики и член-коррры, а «дореформенная» РАН – это все (!) научные сотрудники. А «изгнание» их из РАН привело к тому, что проливаются крокодиловы слёзы о «сложностях обхода традиционных связей». Более того, в типовом проекте новых уставов учреждений, подведомственных ФАНО, существовавшую в РАН вполне демократическую процедуру выборов членов Ученого совета предлагалось заменить на назначение, а утверждение Отделениями и Президиумом РАН заменено на

приказ директора (а «эффективный менеджер» может и не утвердить состав Ученого совета...). Ученый совет для ФАНО не нужен. И как же тогда молодым ученым, чтобы, по выражению Бикбова [1], «с меньшими преградами реализовать свой научный проект, который продвинет науку вперед», выходить на «площадку»?

2. Как Вы относитесь к объединению трех академий в одну? Постспособствует ли подобное слияние развитию российской науки (по мнению Владимира Фортובה, благодаря объединению Россия могла бы вернуться в число стран-лидеров в науке)?

Не все то, что большое, – хорошее. В принципе, в этих отраслевых академиях (как, впрочем, и в Академии педагогических наук и Академии архитектурно-строительных наук) в большей или меньшей мере присутствуют подразделения и отдельные специалисты, занимающиеся фундаментальными исследованиями. Но, на мой взгляд, на 50-70% – это все-таки прикладные научные учреждения (как я уже говорил – крайне важные, но весьма специфические). Поэтому объединение должно было происходить не по приказу (указу, постановлению, закону), а по предусмотренной в уставе РАН процедуре выборов. Кстати, не менее 20 академиков являются избранными и в РАН, и в медицинскую, и в сельскохозяйственную академии, а иммунолог Рэм Петров – избранный (!) академик всех трех этих академий (еще раз подчеркну – **избранный**, а не назначенный).

Не думаю, что в случае объединения трех академий мы увидим реализацию диалектического закона перехода количества в качество. Во-первых, даже на домашних Олимпийских играх в Сочи мы не выиграли все (!) золотые медали. Во-вторых, почему мы считаем, что не принадлежим к числу «стран-лидеров в науке»? В отдельных областях знания (математика, физика, космические исследования, биологические науки – например, почвоведение) мы сохраняем передовые позиции. Если нас меряют в «нобелевских премиях» (с 1901 по 2013 г. у США – 396 лауреатов [без премии мира], у Великобритании – 110, у Германии – 84, у Франции – 51, у СССР + Россия – 22, у Японии – 21), то это

соотношение прямо пропорционально средствам, отпускаемым государством на фундаментальную науку. Но почему мы так самоуничижаемся? Давайте измерим в других «попугаях», – например, посчитаем лауреатов очень престижной Большой золотой медали им. М.В. Ломоносова, которая присуждается нашей академией наук уже более 50 лет (с 1959 г.) ежегодно только двум ученым – одному «нашему» и одному зарубежному. Тогда имеем противоположную картину: СССР + Россия – 47, США – 12, Великобритания – 7, Германия – 5, Франция – 5, Япония – 4. А вот сумма мест по этим двум премиям дает совсем уже реалистичную картину: США – 1-е место, Великобритания – 2-е, а СССР + Россия и Германия делят 3-4-е место...

Если нас «считать» в разного рода «индексах цитирования», о которых поговорю чуть позже (естественно, ученого должны знать, прежде всего, его коллеги), то каждый из этих показателей имеет свои «за» и «против», и это – предмет специального (в большей степени – профессионального) обсуждения (например, небезызвестный Григорий Перельман опубликовал свои результаты на английском языке на сайте препринтов, который, однако, регулярно просматривают все математики). Я убежденный противник оценки качества работы естествоиспытателя только по показателям цитируемости. Их можно привлекать в качестве дополнительной информации, но никак не ставить «во главу угла» системы результативности научной деятельности и уж тем более при распределении и так ограниченных средств...

3. Как Вы считаете, в связи с реформированием РАН ожидается ли сокращение академиков? По словам президента РАМН Ивана Дедова, за последний год из российской академии медицинских наук ушло 26 академиков. Можно ли в целом судить о развитии науки в регионе по количеству академиков?

Путем простой арифметики, объединяя квоты на членов академий (академиков и членов-корреспондентов) новая («объединенная») Российская академия наук должна состоять из 2154 членов. Списочный состав академии к годовичному собранию РАН (на 26 марта 2014 г.) был 1938 членов. Иными словами, с

последних выборов (в РАН – декабрь 2011 г., в других академиях – не знаю) Академия потеряла 216 своих членов. А так как объявлен трехлетний мораторий на выборы новых членов РАН, можно предположить, что жизнь еще возьмет свое... [*списочный состав академии к годовичному собранию РАН (на 29 октября 2016 г.) был 1773 членов; потери – 60-70 членов академии в год*]. Сократит ли Правительство квоты для РАН – это мне не ведомо.

Мне представляется, что судить о состоянии науки в регионе по количеству членов академии – возможно, но, опять же замечу, это должен быть не единственный критерий (тем более что он имеет «лаг задержки» 10-15 лет – именно за такой срок ученый «эволюционно» достигает своего признания, если только он не совершил «революционного» открытия). Другое дело, что РАН должна стать гибче и острее реагировать на развитие науки в регионах, для чего, например, следует поставить вопрос о завершении «иерархической структуры» самой академии. Мне кажется, что в научно-организационном плане руководство РАН (прежде всего, при Юрии Осипове) допустило стратегическую ошибку. Когда Владимир Путин в начале 2000-х годов стал выстраивать «вертикаль власти», РАН следовало бы отреагировать на это и в каждом федеральном округе создать свое отделение (тем более что это практически не требовало никаких затрат). Более того, три отделения (Дальневосточное, Сибирское и Уральское) уже существуют, Санкт-Петербургский научный центр давно претендует на относительную самостоятельность и не оставляет «мечтаний» даже сегодня (см. заметку «Предложили передать» в газете «Поиск» № 24 от 16 июня 2017, с. 2). Представляется, что создание **Санкт-Петербургского отделения РАН** (с присоединением Карельского НЦ РАН, Кольского НЦ РАН, научных организаций Архангельска и пр.), **Поволжского** (Казанский НЦ РАН, Нижегородский НЦ РАН, Самарский НЦ РАН, Саратовский НЦ РАН, Уфимский НЦ РАН), **Южного** (Владикавказский НЦ РАН, Дагестанский НЦ РАН, Кабардино-Балкарский НЦ РАН, Южный НЦ РАН, Крымский НЦ РАН), **Центрального** (НЦ РАН в Черноголовке, Пущинский НЦ РАН, Троицкий НЦ РАН, научные организации Центральной части

России) и **Московского НЦ РАН** (научные организации Москвы; может, **Центрального + Московского**) придало бы стройность в управлении РАН, более четкое взаимодействие внутри регионов, позволило бы определить приоритеты развития фундаментальной науки и децентрализовать её.

Любая законченная иерархия оптимальнее в управлении, чем какие-то половинчатые структуры. Кроме того, количество научных сотрудников и научных организаций, например, в предполагаемом Поволжском НЦ РАН больше, чем в ДВО РАН (аналогичный вывод справедлив и для других предлагаемых отделений)... И еще. Региональный «окрас» позволит приблизить фундаментальные исследования РАН к решению практических задач, на что и ориентирует нас руководство страны, хотя бы в рамках Стратегии научно-технического развития Российской Федерации.

4. Как Вы относитесь к инициативе академиков РАН «перевести» всех членов-корреспондентов в академиков? (Сейчас идет сбор подписей под петицией, которую академики планируют направить Владимиру Путину).

Этот, во многом риторический вопрос в большей степени касается «клуба ученых», в который превратили РАН, сократив Академию наук почти в 40 раз (за счет исключения из РАН научных сотрудников) и отобрав у нее возможность управлять институтами и другими научными учреждениями. А так как этот вопрос – «внутренний» для РАН, то и решаться он должен в соответствии с её Уставом, а не опять «по закону», на что в своем интернет-письме Владимиру Путину ориентирует академик Евгений Велихов. Я считаю, что двухступенчатость выборов в РАН – это благо и уход от элитарности академии (например, 40 «бессмертных» академиков Французской академии). В этом вопросе я солидарен с философом Александром Рубцовым, который пишет [7]: «Неужели никто не сообразит, что слияние академий и формальный перевод всех членкоров в академики РАН вовсе не сделает их академиками, а, наоборот, сделает настоящих академиков РАН «сельскочленкоррами». Или непонятно, что формальный перевод всех кандидатов в

доктора (это, к слову, о реформе ВАК. – Г. Р.), по сути, наоборот, делает всех докторов кандидатами?»

5. Почти все государственные научные учреждения перешли в ведомство ФАНО. Что, на Ваш взгляд, изменилось с переходом НИИ в ведомство ФАНО? Какие результаты от подобного сотрудничества ожидаете?

Я был и остаюсь противником перевода учреждений РАН во вновь созданную структуру – Федеральное агентство научных организаций (ФАНО). Во-первых, опыт показывает, что «у двух няnek дитя без глаза» (нас ничему не научил опыт «эффективного менеджмента» при руководстве, например, Большим театром?). Во-вторых, ФАНО (по своему составу и по предполагаемым целям) ориентировано на управление имуществом и «засыпает» Институт циркулярами о торгах, закупках, финансовой отчетности, земельных отношениях и пр. (за 25 лет директорства я не получал столько «пустых» бумаг и распоряжений, сколько за один год под «руководством» ФАНО). А я как руководитель Института, отвечаю за фундаментальные научные исследования, о которых в циркулярах ФАНО нет ни слова, междисциплинарные связи оказались прерванными; и кому нужно такое руководство? Поэтому для меня их бумаги – это спам. Вот если бы ФАНО поставило своей целью увеличение финансирования науки и на Правительстве «билось» бы за реализацию этой цели – «флаг им в руки», я – за! Но это – не их прерогатива; Министерство образования и науки понимает «науку» только внутри образования, в ВУЗах, а, повторюсь, структуры наподобие ГКНТ СССР в Правительстве нет. Без такого правительственного лоббирования фундаментальная наука у нас в стране обречена на жалкое существование. Таким образом, ничего хорошего от, пусть даже доброжелательного, сотрудничества РАН и ФАНО я не жду.

Даже «реформаторы» не очень-то верят в благополучный исход предлагаемых изменений. «На ближайшие 15-20 лет альтернативы институтам РАН нет, и раскидать их по министерствам, корпорациям или университетам означало бы уничтожить и развалить российскую науку» (из интервью Фурсенко).

Звучит-то хорошо, но вот как это будет выглядеть на деле, как говорится, «будем посмотреть».

Немаловажный вопрос о руководстве институтами. Сразу отмечу, что я поддерживаю введение ограничений по руководству институтом и по срокам, и по возрасту. Хотя любое правило сильно исключениями, и я знаю достойных директоров, которые и в 70-летнем возрасте дадут фору многим молодым руководителям (особенно если институты создавались «под них», под их научные идеи и разработки), и в некоторых случаях можно предоставлять и третий (не больше) срок для руководства (это не предложение, а так, мысли вслух). Но вот замечание Фурсенко (с моими комментариями курсивом): «Прежде всего, изменилась система выбора руководителей институтов, была создана специальная кадровая комиссия при Совете президента по образованию и науке (*оговорка по Фрейду: Совет по науке и образованию*), которую возглавил Владимир Фортов. То есть были созданы фильтры, которые оценивают способность кандидатов к управлению институтами. И если эти уважаемые органы – Президиум РАН и кадровая комиссия, решают, что человек в принципе не может быть директором института, то в рамках обсуждения его кандидатура может быть снята. В любом случае окончательное решение принимает институт. И ФАНО лишь оформляет это решение. Раньше институт выбирал директора и отправлял его на отделение, где его могли утвердить или отклонить, затем он шел на Президиум и проходил такое же согласование (*так чем вновь «созданные фильтры» лучше уже существовавших: комиссия по кадрам = отделениям [с той только разницей, что в последних было 50-100 специалистов, а в комиссии, от силы, 1-2, а остальные представляют другие научные направления или просто являются чиновниками], а Президиум остается Президиумом*). В нынешнем варианте решение принимается коллективом института, а не иерархической структурой академии (*если комиссия имеет право снять того или иного кандидата, то, как в лучшие советские годы, остается 100-процентно поддерживать согласованного с ЦК?*). Принимая много лет участие в работе Отделения биологических наук

РАН, я не раз сталкивался с процедурой согласования (и не согласования) директоров институтов, которые на первом этапе были выдвинуты коллективами, и сам 7 раз проходил через это горнило; могу клятвенно заявить, что не было ни одного (!) случая, когда принятое решение нанесло бы вред институту. Так в чем разница? Коллектив выдвигал, рейтингово голосовал, Отделение и Президиум согласовывали и утверждали (либо нет); сейчас происходит выдвижение группами или самовыдвижение, комиссия кого-то отвергает (объясняя коллективу или нет), коллектив голосует из оставшихся, ФАНО утверждает. Опять заменяем более эффективную систему менее эффективной? Вопросы, вопросы, а в интервью ответов нет, если не считать такого замечания: «Приходят (в руководство) новые люди, а у каждого нового человека меньше шор. Это не гарантия, но дополнительный шанс. В течение нескольких лет должно смениться в общей сложности более половины корпуса руководителей академических институтов. Сам этот факт будет способствовать изменениям (в какую сторону, или важен сам процесс?). Хотя главная проблема сейчас в том, что нет желающих занимать пост директора. Ответственность и хлопоты, которые с этим сопряжены, огромные. А плюсы не бог весть какие».

6. По словам министра образования и науки РФ Дмитрия Ливанова, по данным Счетной палаты, более 50% объектов РАН не зарегистрированы в установленном порядке как государство и это создает плодотворную почву для злоупотреблений. Что в настоящее время происходит с имуществом РАН в Самарской области? В чье ведомство оно перешло?

Больше слушайте Ливанова. Если бы Счетная палата вскрыла действительно серьезные нарушения и злоупотребления в РАН, мы имели бы не менее громкие судебные дела, чем в «Оборонсервисе». Где они? РАН единственная в стране структура, которая смогла сохранить и не разбазарить свое имущество, начиная с «веселых» 90-х годов. Посмотрим, что удастся сделать ФАНО.

7. Есть ли какие-либо прогнозы относительно закрытия НИИ Самарской области? Кто может попасть в это число?

Поживем – увидим. Пройдет мораторий, нарастит «мышцы» ФАНО, получит соответствующие указания, и мы поймем (может быть), какую все-таки цель преследует реформирование РАН. Человеку свойственно ожидать худшего, и потому исключить возможность закрытия каких-либо академических учреждений и на территории Самарской области я не могу.

Здесь я несколько отступлю от интервью, которое давалось в 2014 г. Наша жизнь динамична и за последние годы стратегия Министерства образования и науки и ФАНО стала более понятной. Ещё в 2008 г. экс-министр образования и науки Андрей Фурсенко заявил о необходимости уменьшения количества вузов. «Майскими указами» Президента Российской Федерации (указы от 7 мая 2012 г., в т. ч. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки») прописано укрупнение вузов (срок исполнения – 2018 г.), что связано со значительным (явно непропорциональным) ростом их числа в последние 20-25 лет (к концу 2014 г. – более 2,5 тыс. всех форм собственности); в рамках уже запущенной реформы в России должно остаться порядка 150 бюджетных вузов (в среднем не более 2-х на административно-территориальную единицу...). Такое укрупнение (по идее инициаторов) выведет объединенные вузы на верхние ступени мировых рейтингов и обеспечит рост качества образования и повышения уровня подготовки кадров для постулируемых, но пока слабо продвигаемых «инновационной», «зелёной», «цифровой» экономик. На самом верху («вишенка на торте») – Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты. Создан «верхний» этаж из десяти *федеральных* университетов, этаж *национальных исследовательских* университетов (около 30), в январе 2016 г. появились первые *опорные* университеты (пока 11) и все «остальные». Не миновала эта кампания и Самарскую область: Самарский государственный технический университет, объединившись с Самарским архитектурно-строительным университетом, попал в разряд опорных, произошло объединение Самарского аэрокосмического (СГАУ) и классического (СГУ) университетов – появился Самарский национальный исследо-

вательский университет им. акад. С.П. Королёва. На повестке дня – присоединение к последним и Самарского государственного экономического университета (СГЭУ).

Естественно, процесс этот очень болезненный (прежде всего из-за кадров), и проводиться он должен (в идеале) в соответствии с медицинским принципом «Не навреди!». А чтобы реализовать этот принцип, надо поставить правильный диагноз; иными словами, разобраться в причинах (*Cui prodest?*), по которым, кроме объединения, повышение эффективности вузовской системы не просматривается.

И здесь не обойтись без исторических аналогий («ничто не ново под луной – *nil novi sub luna*»). Среди сходных мероприятий середины прошлого века особое место занимает кампания по укрупнению колхозов (постановление ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» и постановление Совета Министров СССР от 17 июля 1951 г. «О мероприятиях в связи с укрупнением мелких колхозов»). Советское руководство [8] видело в ней «один из путей повышения эффективности сельскохозяйственного производства» [9, с. 206] – ничего не напоминает? Процесс объединения мелких хозяйств в более крупные достиг столь значительного уровня (по СССР было укрупнено почти 80 % сельхозартелей), что фактически перерос рамки просто организационных форм укрупнения колхозов и оказал заметное влияние на перестройку всей сельской поселенческой сети страны. Однако этот процесс оказался далеко не однозначным: проявились организационная несогласованность, трудности в управлении укрупненными хозяйствами, вместо «подтягивания» слабых к сильным хозяйствам часто наблюдался обратный процесс, и другие негативные последствия укрупнения. В середине 60-х годов (через 15 лет) «маятник качнулся» в другую сторону и пошел процесс разукрупнения (например, Смоленская область уже в начале 1965 г. поставила вопрос о разукрупнении 22 совхозов и организации на их базе 16 новых [10]). И вот сегодня (всего-то через пару лет) архитекторы подают на развод с самарским политехом [<http://fedpress.ru/article/1793586>]...

Соглашусь с академиком РАО Олегом Смолиным, который является первым заместителем председателя Комитета по образованию Государственной Думы [<http://ami-map.ru/news/obrazovanie/262-.html>]: «Если связать за задние лапы двадцать кроликов – слон точно не получится. Если канатом связать десять торпедных катеров – линкор точно не получится. Тем более, если кролики связываются вместе с телятами, как у нас бывает сплошь и рядом». Но процесс объединения вузов, как и слияние академических институтов в рамках, например, научных центров, имеет как свои «плюсы», так и «минусы». Рассмотрим некоторые из них.

Первое. Декларируется повышение качества высшего образования и рост научного потенциала высшей школы (основной «плюс» и цель проводимой реформы). Не все так очевидно. Прежде всего, «образование» и «образованность» (см., например, [11, 12]), «образование и «обучение» – это разные вещи. **Образование** – процесс усвоения знаний, обучение, просвещение. В широком смысле слова, образование – процесс или продукт «формирования ума, характера и физических способностей личности... В техническом смысле образование – это процесс, посредством которого общество через школы, колледжи, университеты и другие институты целенаправленно передаёт своё культурное наследие – накопленное знание, ценности и навыки – от одного поколения другому [между поколениями]» [13, р. 20-21]. «Процесс **обучения** представляет собой сложное единство деятельности учителя и деятельности учащихся, направленных к общей цели – вооружению обучающихся знаниями, умениями и навыками, к их развитию и воспитанию» [14, с. 252]. Таким образом, качество образования обеспечивает рынок (специалист такого качества нам нужен или не нужен), а качество обучения – вуз (зависит, в частности, от распределения видов учебной нагрузки по времени и пр.). В последнем случае регулировать качество обучения можно и без серьезных структурных изменений (объединений, разъединений и пр.).

Представляется большим заблуждением, что укрупнение вузов (как и укрупнение академических институтов) приведет

к повышению качества образования (научных исследований). Ведь корень проблемы не в размере и форме собственности вуза или научного центра, а в отсутствии у нашего общества потребности в качественном образовании и результатах академических исследований, т. к. в отличие от развитых стран уровень образования не влияет на заработную плату специалиста (в т. ч. и молодого). Кроме того, «монополизация» образования в сверхкрупных вузах противоречит принципам рыночной экономики (это – «минус»), постулируемым руководством страны. Ищем аналогию. Система «объединенных вузов» может просто превратиться в систему подобную нашим ЖЭКом – работают плохо, но других-то нет...

Второе. Создание (за счет сокращения вузов) более «конкурентной среды» для абитуриентов (вроде, «плюс»). Но возрастает вероятность возникновения ситуации «застоя», когда можно не совершенствовать процесс обучения, потому что к монополисту на рынке студенты придут в любом случае («минус»).

И здесь уместно поговорить о ЕГЭ. С фанатизмом, достойным лучшего применения, последние три министра образования (Владимир Филиппов, Андрей Фурсенко и Дмитрий Ливанов) со всех трибун утверждали об эффективности обязательного единого государственного экзамена для выпускников школ. Не спорю, ЕГЭ позволяет выпускникам дистанционно поступать сразу в несколько и в любые вузы страны, лишь отправив сведения о сдаче ЕГЭ по почте. Категорически не согласен с тем, что ЕГЭ ведет к повышению качества образования. Я, как еще и профессор с более чем 25-летним стажем (с 2006 г. – Почетный профессор Самарского государственного университета), на собственном опыте и общаясь с профессурой других вузов страны (в том числе федеральных и национальных), могу констатировать, что уровень знаний абитуриентов биологических факультетов с момента введения ЕГЭ заметно понизился и в вузах уходит по 1,5-2 года (!) на то, чтобы как-то «подтянуть» сегодняшних студентов до того уровня, когда я имел дело со студентами 90-х годов. Думаю, что-то же самое можно сказать и про другие специальности. А как естествоиспытателю,

посвятившему всю свою жизнь науке, мне грустно наблюдать утерю целым поколением навыков логического мышления. «Делая ставку исключительно на зубрежку и память, мы лишаемся того, что можно назвать интеллектуальной элитой...» [15].

И действует тот же постулат «у нас» – плохо, «у них» – хорошо». Ни один из этих министров ни разу не привел примеров того, почему «у нас» – плохо. Что – плохо? Их родственников не приняли в Сорбонну или в Кембридж? Но те, кто хотел учиться за границей, поступали туда и без ЕГЭ (примеры: вице-премьер Аркадий Дворкович получил второе высшее образование в Университете Дюка [США], а такой же, как и Фурсенко, помощник президента РФ, бывший министр связи и массовых коммуникаций Игорь Щёголев, – в Университете Лейпцига [Германия]). Или «утечка мозгов» идет не так эффективно, как им хотелось бы, и необходимо привести «наши» стандарты к «их» стандартам (и так ежегодно страну покидает до 15% выпускников вузов [16, с. 11])? А почему не наоборот? «Их» к «нам»? Но подозреваю (интересно было бы это проанализировать), что после «нашего» ЕГЭ поступления в иностранные вузы должно было бы сократиться. Я говорил о последствиях ЕГЭ, которые ощущаю как профессор вуза; но сегодня в управление начинает приходиться «поколение ЕГЭ», и, думаю, это ощутят все, и «мало нам не покажется...» И последнее. Логичное (в контексте действий) предложение Фурсенко о необходимости введения ЕГЭ для бакалавров (не дай Бог, будет принято; зачем? для чего? почему? как простой индикатор, позволяющий назвать вуз сразу неэффективным и закрыть его?), а может, и для магистрантов (!) вообще завершит разрушение не только общего, но и высшего образования.

Правда, назначенная в августе 2016 г. на пост министра образования Ольга Васильева заявила (во время дискуссии с финалистами конкурса «Учитель года России-2016»): «ЕГЭ будет совершенствоваться, сочинение через два года станет иметь тот классический вид, какой оно имело всегда. В школах по окончании появится оценка по всем предметам. Я считаю, что социально значимые вузы должны иметь письменный экзамен. Сейчас у нас весь первый семестр идет доучивание по разным

программам школы. Медицинские, инженерные и все другие вузы обязательно должны иметь письменный экзамен» [<https://ianews.ru/articles/87949/>]. Поживем – увидим...

Третье. Усиление (укрепление) материальной базы («плюс»). Однако переходный период (период неопределенности и интриг) не способствует росту эффективности высшего образования, а любая задержка («потеря темпа» у шахматистов) чревата заметным отставанием и общим поражением (это – «минус»). С этим необходимо считаться.

Четвертое. Возможность более «спокойно» преодолеть демографический спад может быть нивелирована потерей сформировавшихся научных школ и образовательных брендов. Это, скорее, этическая составляющая любой реорганизации. Например, при объединении СГАУ и СГУ (и вхождения в этот альянс СГЭУ) возникает проблема названия нового учреждения. Если это – Самарский государственный аэро-космический университет им. С. П. Королёва, то кто такой Королёв для СГАУ, объяснять не надо; но в этом случае Самарская область теряет классический университет. Теперь, если новое образовательное учреждение высшей школы (как и было принято) называется Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва, теряется бренд СГАУ (КуАИ – один из лучших в стране Куйбышевский авиационный институт) и СГЭУ (широко известный Куйбышевский планово-финансовый институт) и придется «объяснять», кто такой Королёв для классического университета... Неизбежное перетасовывание общеобразовательных и «непрофильных» кафедр, конечно, ведет к утере ряда научных школ.

Пятое. Экономия и концентрация бюджетных средств против оттока молодежи из провинции и периферии в «университетские» города (в России – это, в основном, центры регионов).

Концентрация крупных вузов в «столичных» и закрытие большинства их филиалов в малых городах («5-й минус») создает ситуацию «насоса», который способствует внутренней миграции молодых и наиболее активных слоев населения с периферии в центры.

При этом постепенно снижается «подпитка» регионов молодыми кадрами, малые города обескровливаются и движутся к упадку.

Как это не парадоксально, американцы, с которых наши чиновники часто «делают кальку», несколько лет тому назад осознали это и 9 августа 2007 г. вступил в силу Закон “Америка создает возможности для целенаправленного превосходства в технологиях, образовании и науке” (*America Creating Opportunities to Meaningfully Promote Excellence in Technology, Education and Science Act*; сокращенное название – Закон о конкурентоспособности США – *COMPETES Act*), в 2009 г. был принят Закон о восстановлении американской экономики и реинвестировании (*American Recovery and Reinvestment Act, ARRA*). В соответствии с первым из них, для повышения конкурентоспособности США основной упор в науке и образовании делается на *регионы*; благодаря второму закону, увеличились расходы на образование и проведение НИОКР (только в 2009 г. объем бюджетных средств вырос на \$20 млрд [17]). А потому, в соответствии со школьными правилами, если и списывать, то лучше у отличников и «с головой»...

Теперь, пожалуй, основной «5-й плюс». Скорее всего, именно экономия и концентрация бюджетных средств должны претендовать на главную причину повышенной активности федеральных и региональных чиновников «от образования» по объединению отдельных (эффективных) и уничтожению «остальных» вузов. И здесь опять добавим «ложку дёгтя»: кажется, время для масштабной работы по реформированию высшего образования у нас в стране было выбрано неудачно (или экономический кризис вновь нас «догнал», как мандельштамовский «век-волкодав»...). Поэтому оптимистические надежды на дополнительное финансирование процесса объединения вузов (как это было при создании, например, федеральных университетов) становятся мало обоснованными (в полном соответствии с Вольтером: «Мы никогда не живем, а лишь надеемся, что будем жить»). Возникает вопрос – а плюс ли это?..

Подводя итог анализа причин, по которым во всех регионах страны пошел процесс объединения и еще большего размеже-

вания вузов, хочется заметить, что об этом в последнее время не говорит, кажется, только ленивый. В этом контексте, больше всего запомнились слова бывшего ректора и президента СГЭУ профессора Александра Жабина, которые он сказал, выступая на Ученом совете СГЭУ 26 января 2016 г., где обсуждался вопрос о присоединении СГЭУ к уже объединившимся СГАУ и СГУ: «Рука не поднимается голосовать за это решение. Но это – эмоции. Нам заданы новые правила игры, и мы должны выбрать оптимальную стратегию поведения». Рецептов для выхода из этой непростой ситуации не так уж и много.

Из двух главных технологических принципов укрупнения вузов и академических организаций (*территориального и отраслевого*) у нас был избран первый (возможно, реформаторы учли отраслевой опыт создания совнархозов...). При этом фактически происходит «механическое» объединение вузов одной территории вне зависимости от их первоначальной специализации и соподчинения. Аналогичная картина наблюдается и при «слиянии» академических институтов (например, ФАНО радостно отрапортовало об объединении в рамках Федерального исследовательского центра [ФИЦ] Коми НЦ УрО РАН на базе научного центра Института химии, Института биологии, Института физиологии, Института геологии, Института языка, литературы и истории, Института социально-экономических и энергетических проблем Севера, НИИ сельского хозяйства Республики Коми и Печорской опытной станции им. А. В. Журавского; при этом подчеркивается, что миссия ФИЦ состоит в получении новых знаний о природе, обществе, человеке и внедрении их в практику для обеспечения устойчивого развития Севера и Арктики России, а в основе интеграционного проекта лежит *совместное решение* руководителей указанных научных организаций «под присмотром» первого заместителя руководителя ФАНО России принятое 11 апреля 2016 г.).

В Интернете «гуляют» несколько моделей технологии укрупнения вузов. Учитывая при этом важность человеческого фактора, о котором говорилось чуть выше, обратим внимание на слова тогда министра образования и науки РФ Дмитрия Лива-

нова [18] о том, что «следует провести так называемый SWOT-анализ³, выявить все возможные риски или выгоды. Это поможет избежать в дальнейшем катастрофы. Смысл этой реформы в том, что необходимо получить бонусы от партнёрского функционирования – выход на новый уровень, рост качества образования и прогресс научной деятельности». По-видимому, можно предложить четыре модели объединения (два класса – поглощение и слияние [18]).

Добровольное поглощение вуза. В рамках этой модели рекомендуется использование дивизионального управления⁴. Здесь много плюсов для поглощаемого учебного заведения (чаще всего, небольшого и без длительной и славной истории), т. к. ему достаются дополнительные имиджевые и финансовые блага, сохраняется большая часть его возможностей.

Поглощение. В отличие от первой модели, поглощаемый вуз практически никаких плюсов не имеет и полностью растворяется в структуре головного.

Поглощение, навязанное учредителем при поддержке региональных властей. Объединение происходит по каким-то странным принципам и зачастую такая реорганизация вызывает конфликты.

Слияние. Оба вуза имеют равные права, но формально как бы прекращают своё существование. То есть вместо двух и более «старых» и заслуженных появляется один новый, с новым названием, с образованием нового юридического лица и с необходимостью активно бороться за новое «место под Солнцем».

Похоже, что в современных сформулированных условиях только последняя модель – слияние – наиболее эффективна и позволяет всем участникам объединения максимально и до-

³SWOT-анализ – метод стратегического планирования, заключающийся в выявлении факторов внутренней и внешней среды организации и разделении их на четыре категории [19]: Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности) и Threats (угрозы).

⁴К преимуществам такого управления можно отнести достаточно эффективную способность обеспечить управление многопрофильными и территориально удаленными учреждениями, обеспечить большую гибкость и быструю реакцию на изменения в конъюнктуре рынка и др.

стойно сохранить свое лицо и попытаться все-таки решить основную задачу всей этой реформы: повысить качество обучения и образования новых кадров для экономики страны.

8. Правительство намерено было существенно повысить академические стипендии, ежемесячные выплаты для действующих членов РАН должны были составить минимум 100 тысяч рублей. Произошло ли увеличение выплат? Для всех ли академиков размер выплат одинаков?

Действительно. Академик сегодня получает стипендию в 100 тыс. руб., чл.-корр. РАН – 50 тыс. руб. Много это, или мало? Вернемся «к истокам». Академия наук была учреждена в Санкт-Петербурге по распоряжению императора Петра I указом правительствующего Сената от 28 января (8 февраля) 1724 г.

«О Академии, и о сумме на содержание оной. Генваря 28 дня. Его императорское величество указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также протчим наукам и знатным художествам и переводили б книги. А Генваря 22 дня, его императорское величество, будучи в зимнем доме и слушав о сочинении тои Академии проекта, на котором собственною своею рукою подписать изволил: На содержание оных определить доходы, которые собираются с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга⁵, таможенных и лицентных, 24 912 рублей. И по тому его императорского величества указу Правительствующий Сенат приказали, оные доходы собирая, содержать в Рентерии, из которых отпускать в тое Академию по указу из Сената. А кроме того, ни на какие расходы не употреблять. И о том в Камор-коллегию и в Штатс-кантору⁶ указы посланы. Подлинной за подписанием Правительствующего Сената».

Согласно этому указу, каждый академик должен был составить учебное руководство в пользу учащегося юношества и каждый день по часу заниматься публичным преподаванием своего предмета. Академик должен был подготовить одного

⁵Нарва, Дерпт – Тарту, Пернов – Пярну и Аренсбург – Курессааре (все – Эстония). Таким образом, Эстляндия «вскормила» российскую науку...

⁶Рентерия – казначейство, Камор-коллегия – управление казенных сборов и налогов, Штатс-кантора – ведение государственных расходов и составление штатов по всем ведомствам.

или двух воспитанников, которые бы со временем могли заступать на его место, причем Пётр выразил желание, «чтобы такие были выбираемы из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить».

1 рубль 1724 г. (сегодня на аукционе в среднем за последний год – €4 тыс.) – 28,44 г. серебра. Стоимость этого серебра как металла сегодня (июль 2017 г.) – 850 руб., т. е. на момент создания АН «стоила» российскому государству примерно 21 млн. современных рублей. В «тех ценах» годовое жалование профессора (академика) – от 500 до 2000 серебряных рублей, адъюнкта (члена-корреспондента) – 300 руб. (на 15 академиков «первого призыва» при средней зарплате 1000 руб. в год); килограмм говядины стоил тогда 10 коп. (сегодня медианная по России – 350 руб.). Итак, академик Петра I мог купить около тонны говядины в месяц, современный академик (зарплата примерно, 200 тыс. руб. = 100 тыс. руб. стипендия + оклад + доплаты за гранты) – 570 кг (зарплата все еще меньше петровской почти в 1,75 раза!..).

9. В связи с реформированием системы РАН, сократилось ли финансирование?

Да. Поясню. Один из разделов интервью с А. Фурсенко озаглавлен «Государство, рынок и финансирование науки» [1]. Здесь четко сформулированы «три основных формы финансирования науки: финансирование бюджетных научных учреж-

дений на основе субсидий на выполнение государственного задания, фондовое финансирование и программное финансирование <...>. Необходимо четко разделить сферы вложения денег и инструменты, которые этим сферам соответствуют. Есть фундаментальные исследования, которые определяются логикой развития науки, и есть исследования, которые определяются внешним заказом. Система финансирования этих двух групп должна быть разной. По каждому направлению должны быть разные критерии оценки работ, по-разному должны отбираться и поддерживаться исполнители, и должен различаться контроль за тем, как эти работы исполняются. Кроме того, подходы должны различаться при финансировании фундаментальных и при поддержке прикладных исследований». Все предельно четко и верно. На бумаге. Но забыли про овраги...

На заседании Совета по науке и образованию (29 октября 2012 г., Ново-Огарево) Владимир Путин отметил: «За последние десять лет объём расходов федерального бюджета на науку, я хочу подчеркнуть, именно на гражданскую науку, увеличился на порядок. Но мы привыкли считать, и часто говорим об этом, и иногда говорим, в общем-то, справедливо, что средств на науку не хватает. Вместе с тем хотел бы обратить ваше внимание на сухие цифры. Они такие. В 2002 году мы направляли на науку 31 миллиард рублей, а в 2012-м – 328 миллиардов рублей (*в т. ч. на фундаментальную науку – 86 млрд руб.*). Всё-таки разница существенная (*правда, по паритету покупательной способности рубля к доллару в 2002 г. было 9,27 рубля на один доллар США, а в 2012 г. – 18,49, т. е. рубль «подешевел» в 2 раза; но все равно, рост и в 5 раз – это тоже хорошо*) <...>. По абсолютным объёмам государственного финансирования исследований и разработок Россия вошла в число ведущих стран мира. По паритету покупательной способности, по ППС именно, у нас 22 миллиарда долларов. Если сравнивать со странами ОЭСР, то мы, конечно, значительно уступаем Соединённым Штатам (157 миллиардов), Японии (33 миллиарда) и Германии (29 миллиардов), но опережаем такие страны, как Франция, Великобрита-

ния, Италия. Там, соответственно, 19, 14 и 11 миллиардов долларов по паритету покупательной способности».

Через два года на аналогичном заседании 8 декабря 2014 г. Путин еще раз коснулся вопроса финансирования науки: «Напомню, что общий объём финансирования Программы фундаментальных научных исследований на период до 2020 года составляет более 834 миллиардов рублей (*иными словами, чуть более 100 млрд руб. в год, т. е. рост около 10 %*). Это действительно серьёзные средства, и их нужно использовать с максимальной пользой и максимальной отдачей для страны». А для РАН (читай – для фундаментальной науки) это финансирование незначительно, но все же сокращалось, о чем неоднократно говорилось на Общих собраниях РАН.

В 2013 г. наш Институт «стоил» бюджету, примерно 61 млн руб. Еще миллионов 13 сотрудники «заработали» на грантах, программах и договорах (внебюджетные деньги). Это позволило Институту вполне сносно прожить этот переломный для РАН год, выполнить весь объем запланированных исследований (в т. ч. и экспедиционных) и перейти в 2014 г. без долгов. Финансирование (субсидии) Института на 2014 г. исходило из бюджетного финансирования 2013 г. и составило 58,5 млн руб. (сокращение – на финансирование структуры ФАНО). Но не будем забывать, что с 2014 г. заработная плата и налоги на нее не сильно, но выросли. Значительно сильнее выросли тарифы на ЖКХ. Поэтому 58,5 млн. руб. «сжались» больше, чем 61 млн в 2013 г. Ни в чем себе не отказываем...

Проблем финансирования касался и мой вопрос В. Путину, который я задал ему в ходе телепередачи «Прямая линия с Владимиром Путиным», состоявшейся 15 июня 2017 г. Вот текст моего письма (на вопросы, получил ли я ответ от Президента, я отвечаю со ссылкой на уже упомянутого Вольтера, который, когда его спрашивали: «Вы помирились с Богом?», неизменно говорил: «Мы с ним раскланиваемся, но не разговариваем»).

Уважаемый Владимир Владимирович!

В год, объявленный Годом экологии в России, хочу обратить Ваше внимание на катастрофическое положение дел, кото-

рое сложилось в сфере фундаментальных научных исследований, проводимых под эгидой Российской академии наук. Что бы ни докладывали Вам помощники и консультанты о росте финансирования всей научной деятельности, реально в Институтах РАН с начала реформ 2013 г. наблюдается тотальное сокращение. Только на примере моего Института: за этот период бюджетное финансирование сократилось с 65 млн руб. до 51 млн руб. (более 20 %). И при этом стоит задача выполнения Вашего «майского указа» (№ 597 о доведении средней зарплаты у научных сотрудников до 200 % от региональной), что невозможно без дополнительного финансирования (или можно сделать только путем очевидных манипуляций – переводом сотрудников на доли ставки, сокращениями и пр.). Мне представляется, что это никак не будет способствовать повышению эффективности выполнения государственных заданий и конкурентоспособности отечественной науки.

Кроме того, для Институтов, связанных с экспедиционными работами, огромное значение имеет обновление экспедиционного транспорта и флота (в моем Институте осталось одно научно-исследовательское судно, подаренное еще Иваном Дмитриевичем Папаниным... и это для изучения экологических проблем национальной гордости России – реки Волга!).

Из этого следует, что в сложившейся ситуации надо либо признать невозможность выполнения Вашего поручения по повышению зарплат научных сотрудников и отменить требования «майского указа» № 597, либо обязать правительство увеличить финансирование научных исследований до уровня 1,77 % от ВВП (также по Вашему указу). И делать это следует оперативно, так как процесс «манипулирования» уже пошел.

чл.-корр. РАН Г. С. Розенберг

Таким образом, около 75-80 % бюджета уходит на зарплату и налоги на нее. Итоги трехгодичной реформы, проводимой в 2006-2008 гг. и состоявшей и в том, чтобы за счет сокращения на 20 % численности сотрудников РАН поднять зарплату оставшимся, привели к тому, что людей сократили (в РАН было 115 тыс. сотрудников – стало около 90 тыс.), но и бюджетное

финансирование РАН за последнее десятилетие сократилось. Что касается внебюджетного финансирования, то его получение сильно затруднено 44-м Законом (о закупках); кроме того, у нас в стране всегда существует «система отмазок» (кризис, олимпиада, Крым, чемпионат мира по футболу...), которая позволяет заказчикам тянуть с финансированием сколько возможно.

10. Как отныне проходят выборы академиков?

Избрание в Российскую академию наук в нашей стране продолжает оставаться самым высоким признанием заслуг ученого. Когда меня избрали членом-корреспондентом РАН в 2000 г. я с трудом поверил в этот успех и даже потерял голос (второй раз в жизни; первый – перед КВН-овской игрой с Одессой в 1972 г.), эмоционально рассказывая о всех перипетиях этой волнительной процедуры.

В соответствии с Федеральным законом N 253-ФЗ три года выборы в Академию не проводились (контрольный вопрос: как может идти омоложение РАН, которое считалось главным условием повышения её эффективности в результате реформирования?..). В принятом на Общем собрании РАН 27 марта 2014 г. Уставе РАН процедура выборов подробно прописана и практически не отличается от того, что было ранее.

Последние перед реформой выборы в РАН состоялись 22 декабря 2011 г., выборы после реформы прошли 28 октября 2016 г. Я принимал участие и в тех, и в других выборах и оба раза, к сожалению для себя, проиграл. Это заставило меня проанализировать ход выборов (в качестве примера я возьму выборы 2011 г.) и сделать некоторые выводы.

Общее собрание Российской академии наук 2011 г. по итогам выборов назвало имена 79 новых академиков и 132 членов-корреспондентов. В заключительном слове на этом собрании президент нашей академии, академик Юрий Осипов предложил самым тщательным образом проанализировать результаты выборов в РАН, чтобы в дальнейшем при отборе выдающихся деятелей науки совершать как можно меньше ошибок. На этом же собрании распространилась и очень интересная, только что вы-

шедшая книга академика Юрия Золотова «Выборы в Академии наук» [20], в которой приводится много фактов, документов, мемуарных оценок и других материалов, которые свидетельствуют о том, что процесс выборов в академию со временем несколько видоизменялся. Все это и послужило поводом для размышлений, в которых обсуждается лишь один аспект выборов в РАН и который можно назвать «региональным».

На момент своего создания, академия наук располагалась в столице, и все её 13 академиков жили там; более того, само звание «член-корреспондент» (появилось в 1759 году; в какой-то степени до этого времени соответствующим ему можно считать звание «адъюнкта») свидетельствовало о том, что обладатель этого звания живет не в столице и поддерживает почтовую связь с академией. Но уже к середине XIX века членами-корреспондентами стали избирать и петербуржцев (например, поэт Аполлон Майков, юрист Константин Неволин или химик Дмитрий Менделеев). Косвенным свидетельством такой «столичной централизации» служат и названия академии наук на разных этапах её большой истории: из 7 названий академии три раза она содержала слова «императорская», два раза – «Санкт-Петербургская» и «российская».

На 1 января 1900 г. в Императорской Санкт-Петербургской академии наук состояло 38 академиков⁷, и только четверо из них не жили в столице (географ Дмитрий Анучин и экономист Иван Янжул были москвичами, филологи Игнатий Ягич жил в Вене, а Лудольф Крель – в Лейпциге). «Знаменитые» выборы 1929 г. «разбавили» питерцев москвичами, представителей регионов в академию избрано не было (если не считать киевлянина микробиолога Даниила Заболотного). А в 1934 г. АН СССР

⁷Кстати, средний возраст этих академиков – около 60 лет (при средней продолжительности жизни в 1900 г. – 30-32 года) – это к вопросу о «старости» академии (сейчас, соотношение, примерно, 75 лет при продолжительности жизни мужчин в 2010 г. около 62 лет); самый молодой академик в 1900 году – филолог и историк Алексей Шахматов (36 лет), в 2011 – биолог Павел Георгиев (47 лет). Сегодня академия даже помолодела... (Выборы 2016 г. подтвердили движение в направлении омоложения РАН).

вообще «переехала» в Москву и стала «пополняться» преимущественно москвичами.

В мае 1957 г. было образовано Сибирское отделение АН СССР, в сентябре 1987 г. – Уральское и Дальневосточное отделения. Процесс децентрализации пошел... Особую роль в этом процессе сыграло объединение АН СССР и РАН в ноябре 1991 г., так как «по условиям» выборы в РАН тогда в большей степени были ориентированы именно на регионы.

В первое десятилетие XXI века этот процесс децентрализации замедлился, представление о чем дает табл. 1 с результатами выборов в РАН (2003-2011 гг.). Если рассматривать только центральную часть академии (без региональных Отделений), то доля «двух столиц» на этих выборах колебалась и по академикам, и по членам-корреспондентам от 89 % до 95 %. Еще более наглядно выглядят данные по некоторым научным центрам (см. дополнение к табл. 1), в которых рост «академических званий» измеряется величиной, близкой к «одно звание в десять лет». (Не анализировал в целом выборы 2016 г., но, справедливости ради, отмечу, что в Самарском НИЦ РАН было избрано 2 академика и 2 чл.-корр. РАН).

Таблица 1.

	21 мая 2003 г.		23 мая 2006 г.		27 мая 2008 г.		22 дека- бря 2011 г.	
	ак.	ч.-к.	ак.	ч.-к.	ак.	ч.-к.	ак.	ч.-к.
Москва + Московская обл.	40	65	31	67	32	70	54	77
Санкт-Петербург*	4	9 (11)	3	11 (12)	3	10 (12)	5	18
Волжский бассейн**	2	5	2	5	3	7	2	4
Южный НИЦ***	1	3 (4)	1		(1)	(2)	1	1
По Центральной части	47	85	37	84	39	91	62	104
ДВО	2	9	4	9	2	4	1	5
СО	5	15	6	7	3	12	9	16
УрО	3	10	2	4	1	4	7	11
ВСЕГО	57	119	49	104	45	111	79	132

Дополнение к табл. 1

Самарский НИЦ					1		
Саратовский НИЦ		1					
Уфимский НИЦ	1						
Карельский		1		1		1	
Кольский		1				1	

Примечание. * – Санкт-Петербург, включая Кольский и Карельский НИЦ (в скобках);

** – Волжский бассейн (без Москвы, Московской, Волгоградской и Астраханской областей); *** – ЮНЦ, включая Владикавказский, Дагестанский и Кабардино-Балкарский НЦ и г. Воронеж (в скобках).

Возникает естественный вопрос: как вести себя потенциальным соискателям академических званий, которые обогатили «науку трудами первостепенного научного значения» или «выдающимися научными трудами» (из Устава РАН) и могут (хотели бы) рассчитывать на их завоевание?

1. Можно «не дергаться» и не рваться в академию (это очень редкий случай – из последних примеров назову математика Григория Перельмана, который не дал согласия баллотироваться в академию; для большинства учёных получение тех или иных степеней, званий и премий – это необходимый «штрих» их научной карьеры⁸).

2. Можно просто перебраться в Москву, существенно повысив вероятность своего избрания (правда, чаще это происходило при переезде из столиц на Дальний Восток, в Сибирь или на Урал [там, где были региональные Отделения РАН]; но есть единичные примеры и «прямого движения»: так, окончательный переезд в Москву из Якутии экономиста и бывшего председателя Правительства Республики Саха (Якутия) Валентина Фёдорова и из Ставрополя социолога Сергея Рязанцева «завершились» их избранием на последних выборах членами-корреспондентами РАН).

3. Можно уехать за границу и избираться в РАН в качестве иностранного члена (благо, такого рода примеры тоже есть: на последнем Общем собрании РАН почетными академиками были избраны наши соотечественники (до середины 70-х годов) математик Михаил Громов [Франция], химик Евгений Шусторович, физиолог Владимир Зельман и историк Илья Земцов [США]).

4. Можно, вслед за делением России на федеральные округа, ввести в РАН еще несколько региональных отделений (см. выше ответ на вопрос 3). Закрепить за всеми региональными отделениями квоты на избрание («плюс»–«минус» чуть-

⁸В статусе первого российского ордена «Св. апостола Андрея Первозванного» (1698 г.) записано: «Ничто так не поощряет и не воспаляет человеческого любочестия, как явные знаки и видимое за благодетель воздаяние».

чуть) и предоставить Президиумам отделений (согласовывая с Президиумом РАН) возможность вырабатывать «политику фундаментальной науки» данной территории. Это отвечает и требованиям времени, которые были сформулированы тогда Президентом России Дмитрием Медведевым в своем последнем послании Федеральному Собранию (22 декабря 2011 г.): «В Государственную Думу будет внесён пакет законопроектов о децентрализации. Его реализация позволит провести *серьёзное перераспределение властных полномочий и бюджетных ресурсов в пользу регионов и муниципалитетов*. Я это обещал сделать, я это сделаю. Пора на деле приблизить к людям исполнение важнейших для них функций государства (*выделено мной. – Г. Р.*)». Представляется, что поддержка фундаментальной науки и является одним из приоритетов деятельности государства.

Именно последняя возможность и кажется наиболее осуществимой, что и подтверждается некоторыми простыми расчетами (см. табл. 2).

Таблица 2.

	Дальневосточный ФО	Сибирский ФО	Уральский ФО	Приволжский ФО	Северо-западный ФО	Южный ФО	Северо-Кавказский ФО	Центральный ФО	Россия
Территория (% от РФ)	36,0	30,0	10,6	6,1	9,9	2,6	1	3,8	100
Количество субъектов	9	12	6	14	11	8*	7	18	83
Население (% от РФ)	4,2	13,2	8,4	20,2	6,7	11,1	6,8	26,7	100
Число НЦ	6	9	7	5	3	1	3	3	
Число научных работников РАН	2500	9000	600	500	5200	600	1000	25600	50000
Кандидатов наук	1150	5000	1750	1250	2600	250	430	11570	24000
Докторов наук (А)	300	1800	590	500	1000	100	220	5490	10000
Чл.-корр. РАН (В)	30	80	60	30	70	5	5	490	770
Академики (С)	20	70	30	18	40	5	2	345	530
$0,7(B + C) / A (\%)$	12	6	10,5	7	8	7	2	11	9

Примечание. * – уже с учетом Крыма и Севастополя; пять последних строк этой таблицы содержат чуть округленные данные за 2008-2011 гг., которые удалось найти в

Интернете, на официальных сайтах различных структур РАН и в отчетах о научно-организационной деятельности РАН.

По статистическим данным (например, «Россия в цифрах») научными исследованиями в стране к 2010 г. было занято около 370 тыс. научных работников, в числе которых доктора наук составляли около 25,5 тыс. человек (7 %). В РАН трудится порядка 50 тыс. исследователей (около 13,5 % от всех российских ученых), докторов наук – 10 тыс. (20 % от исследователей). Общее число обладателей академических званий (академики и члены-корреспонденты) – около 1300; среди них примерно треть – это не сотрудники РАН (представители ВУЗов и других организаций). Тогда процент членов академии от докторов, работающих в РАН, можно оценить как 9 %. Это – «среднее по России». По регионам этот показатель меняется от 2 до 12 % (последняя строка табл. 2).

Таким образом, проблема обозначена. Например, Волжский бассейн – это 8 % территории России и 56 млн жителей (39 % населения России). Даже если «исключить» Москву и Московскую область (18,6 млн чел.), это все равно более четверти населения страны (в 4 раза превосходит ДВФО и в 2 раза – СФО и УФО). А по количеству научных сотрудников и членов академии (только по пяти научным центрам – Казанскому, Нижегородскому, Самарскому, Саратовскому и Уфимскому) эта территория сравнима с Дальневосточным отделением РАН (см. табл. 2). Как говорилось в мультфильме «Пластилиновая ворона», «маловато будет!»

Это все – арифметика, алгоритм, мысли вслух. Естественно, проводить такого рода реорганизацию в РАН только для того, чтобы исследователи из регионов стали несколько ближе к академическим званиям, бессмысленно. А вот объединить под академическим флагом исследователей из разных субъектов Российской Федерации, *уже сведенных в федеральные округа*, для совместного решения фундаментальных задач, приоритетных для мирового сообщества и развития Российского государства, – его социо-эколого-экономического прогресса, обороноспособности, политической стабильности, – задача куда более привлекательная.

11. Какие изменения могут ожидать РАН через 5 лет, в связи с реформированием системы?

Из последних ответов Фурсенко [2] явствует, что перспективы, которые нас ожидают, не очень радужны: «Наука – это тяжелая борьба, и не все дойдут до конца. Как и в советское время, кто-то уходит в вузы преподавать, кто-то – в отраслевые институты, а кто-то пробивается и продолжает идти дальше. Пробиваться можно очень долго. Но если удастся, ученый бывает вознагражден сполна». При этом я не могу согласиться с ним в том, что он всерьез рассчитывает «на ФАНО, потому что у них нет старых лоббистских интересов, а есть только один интерес – дать возможность людям проявить себя. Я не хочу никого обижать, мы должны учитывать мнение академического сообщества, но при этом консервативная оценка должна быть сбалансирована желанием двигаться вперед. Лучше что-то сделать не так, чем ничего не сделать (опять, процесс важнее результата?..)». Станный расчет: как управление «хозчастью» институтов поможет проявить себя ученым – мне не понятно (англ. wag the dog)⁹.

Чтобы успешно «добраться» до 300-летия Российской академии наук (2024 г.) следует:

– прежде всего, «наступив на себя», наладить взаимоотношения между властью и наукой в нашей стране (ученый – не враг, а думающий, критически настроенный член общества [иначе он – не ученый] и с этим следует смириться);

– власть должна поставить перед отечественной наукой амбициозные задачи (не сначала «Сколково», а потом «сделайте нам что-нибудь красивое», а первоначально «нам надо то-то и то-то», а для этого создадим «Сколково» или что-то другое);

– необходимо создать условия и мотивировать бизнес на взаимодействие с наукой;

– как бы это ни раздражало Фурсенко (см. сноску 1), следует продолжить рост ассигнований на гражданскую науку и

⁹Why does a dog wag its tail? Because a dog is smarter than its tail. If the tail were smarter, the tail would wag the dog. [Почему собака виляет хвостом? Потому что она умнее хвоста. Если бы хвост был умнее, то он вилял бы собакой].

реально увеличить государственное финансирование научных организаций РАН (минимум в 2 раза; именно в этом случае соотношение 1 : 10 : 100, о котором говорилось выше, превратиться в 11 : 100, и тогда появится возможность восстановить под эгидой РАН систему научно-внедренческих НИИ и КБ;

- создать специальные программы поддержки материально-технической базы для выполнения госзаданий;

- не просто увеличивать финансирование науки, но и решать вопросы социальной защиты ученого), причем без сокращения штатов; создать научный пенсионный фонд (заслуженные ученые старшего возраста не могут быть просто выставлены «на улицу»), новую систему ставок советников и консультантов в научных организациях, что обеспечит нормальное «передвижение» (омоложение) научных кадров;

- создать условия для сохранения и развития системы научных школ как универсального инструмента привлечения, подготовки и становления ученых как структурно-функционального комплекса науки и образования, способного сохранить преемственность в исследованиях и производить качественно новый (инновационный) научный продукт;

- с привлечением научной общественности разработать систему межведомственной экспертной оценки научных организаций, в рамках которой по научной продуктивности институты РАН должны сравниваться не только между собой, но и с научными организациями любой ведомственной принадлежности.

И еще цитата из выступления депутата Госдумы Олега Смолина: «В свое время думская оппозиция голосовала против Федерального закона № 253 о так называемой реформе Академии наук и была права. Помню, как в эти дни вокруг Государственной думы митинговали ученые, а математик с мировым именем академик Б. Кашин от их имени с думской трибуны произнес знаменитый лозунг: Хирш вам, а не академия! Поясню: индекс Хирша – индекс цитирования, который в последние годы очень любят российские власти. А через год в этом же зале другой академик, В. Черешнев, в то время председатель комитета по науке, заявил, что с появлением ФАНО (Федерального агент-

ства научных организаций) бумагооборот в академии вырос на два порядка, т. е. в 100 раз!..» [<http://www.smolin.ru/vse-novosti/hirsh-vam-ili-strasti-po-akademii>].

Вопросы Дарьи Синициной так меня раззадорили, что я решил еще пару задать самому себе.

12. Что происходит с аспирантурой в академических учреждениях?

В Законе об образовании, который вступил в силу с 1 сентября 2013 г., аспирантура рассматривается как инструмент дополнительного образования (акцент сделан на обучении). В академических институтах аспирантура всегда была научно-исследовательской. Поэтому в варианте Закона об образовании она лично мне не интересна. Более того, нам крайне сложно соответствовать предъявляемым требованиям (наличие медицинского пункта, «точки питания» аспирантов, спортивного зала для их физической релаксации и пр., и пр.), которые имеются у ВУЗов, но никогда не были первостепенными для Институтов РАН. Обучение аспирантов в академических учреждениях происходит в процессе совместной работы как над госбюджетными темами, так и над грантами и хоздоговорами, теоретическое «натаскивание» – на семинарах и за чае(кофе) питием (а не по специально разработанным программам, которые, в основном, дублируют программы вузовского образования). Если не принять поправок в Закон об образовании и не предусмотреть особый статус научно-исследовательской аспирантуры (например, аспиРАНтуры), наука потеряет много молодых и талантливых потенциальных научных сотрудников.

13. Что происходит с ВАК и с диссертационными советами?

Такое впечатление, что реформирование РАН, ВАК, аспирантуры – все это звенья одной цепи, причем направлено оно не во благо, а во вред отечественной науки. Разберемся. Скандалы вокруг целого ряда защит диссертаций (плагиат, диссертации «под ключ») заставили МОиН России разработать и утвердить новые положения о присуждении ученых степеней (Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842) и о диссертационном совете (Приказ Минобрнауки России от 13.01.2014 № 7).

Ужесточение требований к числу публикаций в рецензируемых журналах для защит по гуманитарным специальностям (не менее 15 против 10 для естественных и технических наук) косвенно свидетельствует о том, что большинство этих скандалов «пришло» со стороны общественных наук. Такое ужесточение требований к публикации основных результатов диссертационных исследований я приветствую, но рекомендовал бы пойти дальше: следует ввести понятие «профильного» журнала и требовать с соискателей докторских степеней публиковать основные свои результаты именно в них (например, защищать докторскую диссертацию по ботанике и не иметь публикаций в «Ботаническом журнале» или в журнале «Растительные ресурсы» – нонсенс). Дико выглядит требование о невозможности оппонирования диссертации членом совета (п. 22), – сразу 19 и больше авторитетных специалистов «выводится» из числа активных участников защиты (не говоря о том, что приглашение дополнительного специалиста-оппонента связано с финансовыми проблемами, если только ты не защищаешься в Москве). Да и ограничение численности членов диссертационных советов (не меньше 19 человек) не учитывает, по одной или двум (трем) специальностям создан совет. Можно еще долго разбирать эти положения (некоторые из них я обсуждал в газете научного общества «Поиск», 2013, № 12 (1242), с. 10, 13.), но это предмет специального разговора.

Наконец, совсем «свежая» информация. Премьер-министр России Дмитрий Медведев 17 мая 2017 г. подписал постановление о формировании перечня научных и образовательных организаций, которым предоставляется право самостоятельно присуждать ученые степени. 5 июля 2017 г. Правительство поручило Минобрнауки и РАН представить до 28 февраля 2019 г. доклад о совершенствовании системы присуждения ученых степеней, что следует из плана реализации стратегии научно-технологического развития России. Результатом реализации указанного поручения станет *переход от государственной к общественно-профессиональной системе научной аттестации*, в том числе присуждению ученых степеней и присвоению

ученых званий образовательными и научными организациями самостоятельно. А уже 11 июля на федеральном портале «Российское образование» [<http://www.edu.ru/news/education/>] сообщалось, что председатель Российского союза ректоров, ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик Виктор Садовничий заявил, что право присуждать собственные ученые степени на базе своих диссертационных советов получили около 100 вузов и учебных центров. Процесс не просто пошел, его погнало...

14. В каких «попугаях» следует измерять науку и естествоиспытателей?

После 2012 г. и образование, и науку захлестнула наукометрическая волна: все узнали и заговорили о «плохих» и «хороших» научных журналах, импакт-факторах, индексах Хирша, РИНЦе, вэб-оф-сайнсах и пр. И не просто заговорили, а в полном соответствии с Владимиром Маяковским: «Я себя под Хиршем чищу, чтобы плыть в науку дальше...», потому что с этими показателями чиновники от науки крепко связали «материализацию духов и раздачу слонов». Сегодня без Хирша – ты не учёный и не можешь претендовать ни на должности, ни на премии, ни на гранты (лучше всего посмотреть забавный ролик ««Индекс Хирша» глазами гуманитария» [<https://www.youtube.com/watch?v=ElClrYUOI40>], созданный сотрудниками лаборатории психологии развития Института психологии РАН и озвученный голосом кандидата психологических наук Юлии Ковалёвой).

И чтобы особо «не умничать», опять процитирую философа Александра Рубцова (лучше и не скажешь): «В основе реорганизации – идея ранжирования научных учреждений по степени эффективности с оргвыводами вплоть до слияния и слива. Оценка базируется на статистике публикаций и цитирования, учете импакт-факторов и пр., хотя известно, что это гиблое дело. В истории полно величайших открытий, которые это сито не прошли бы. Как, впрочем, и лидеров по ссылкам, канувших в небытие. Из новейшей истории: Австралия так за шесть лет подорвала собственную науку. Давно зафиксирован «сдвиг мотива на цель» – библиометрические эффекты создаются искусственно:

«салями-слайсингом» (нарезкой одного результата на ряд публикаций), перекрестным договорным цитированием и пр. В ряде стран использование библиометрии законодательно запрещено для большинства направлений точных наук и для гуманитарной сферы в целом – как «деформирующее научный ландшафт». Это вообще разные способности: делать действительно прорывные исследования – или публиковать правильные статьи в нужном количестве и в подходящих изданиях. В российских условиях – тем более. На одного вновь назначенного директора физинститута уже работает подразделение, занимающееся «эрекцией индексов». Для нашей науки беда уже с репрезентативностью основных баз данных (Web of Science, Scopus), дающих огромную фору США и нескольким случайным англоязычным странам, что создает серьезные проблемы даже для немцев. Россия в выборках представлена и вовсе убого. РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) – в зачаточном состоянии. Опирайтесь на все это категорически нельзя, тем более в распределении статусов, оргресурсов и финансов» [21, с. 193-194]. Со своей стороны подчеркну лишь, что число цитирований (как и число публикаций) на самом деле далеко не всегда связано с качеством исследования (с одной стороны, высокоцитируемым биологом является Трофим Лысенко – все ругают и его самого, и его теоретические построения, с другой – молодой французский математик Эварист Галуа (Evariste Galois; был застрелен на дуэли в возрасте 20 лет) вошел в историю науки как основатель современной высшей алгебры, несмотря на то, что он успел написать всего лишь одну крупную работу, которая не была опубликована при его жизни); таким образом, об исследователях в настоящее время судят по тому, где они публикуют, а не по тому, что они публикуют. Для большего понимания этой непростой проблемы, очень рекомендую познакомиться со сборником [22]. В данном контексте приведу следующую цитату: «Из той же серии и вопрос о пресловутом Хирше. Я открыто предлагаю фанатам-хиршеносцам перестать разыгрывать из себя дурака. Хиршемания – извращенный аналог бытовавшего в советские времена соцсоревнования. Только тогда передовикам полагались почет, небольшие премии и легкая

ирония окружающих. Сейчас феномен Хирша – просто средство оптимизации. Никакой индекс цитирования никогда не определит подлинную значимость работ исследователя. Скорее, наоборот. Если бы мое обращение получило статус научного сообщения, то индекс цитирования был бы заоблачным. И неважно, что *большинство откликов хамские и гневно-ругательные (выделено мной. – Г.Р.)*» [23].

И все-таки хочется, очень хочется сравнить «себя любимого» с коллегой, почувствовать себя в лидерах (пусть и соцсоревнования...), подняться на пьедестал, получить «медаль» (как только мы задаем то или иное ранжирование, чиновник сразу «привязывает» его к распределению материальных благ...). Что же делать? Могу предложить новый показатель, который позволит ранжировать естествоиспытателей по их цитируемости, но не будет связан с карьерным ростом и финансированием. Назову его «период полураспада опубликованных идей» – через сколько лет среднегодовая цитируемость работ ученого (например, за последние 10 лет) после прекращения (по тем или иным причинам) его научной деятельности уменьшится в два раза. Иными словами, как быстро его забудут... Сегодня его (учёного) ничем не наградишь, но шанс остаться в памяти потомков «Коперником», «Эйнштейном» или тем же «Лысенко» – есть.

Не устану повторять, что лучше всего вклад естествоиспытателя может оценить только научное сообщество. Классический пример, который нам демонстрирует математики, – приглашение докладчиком на Всемирный конгресс. Это – признание.

Ответственный редактор научного приложения «Независимой газеты» Андрей Ваганов мрачно предрекает: «Возможно, что уже к зиме нынешнего года Российская академия наук как организация, обладающая собственной исследовательской базой и системой подготовки кадров, прекратит свое существование. Зато останутся исследователи с высоким Хиршем. Недаром на днях министр науки и образования РФ Ольга Васильева с гордостью заявляла, что, по ее мнению, «по макропоказателям, что бы ни говорили, наша наука находится как раз на взлёте». А в качестве доказательства министр привела такие данные: доля

публикаций научных статей исследователей из России превысила 2,44 % от базы данных Web of Science, что выше заложенных в “майских указах” показателей... 22 июня этого года на встрече с группой академиков президент РФ Владимир Путин подчеркнул: «22 июня – день начала Великой Отечественной войны. День, когда враг вероломно напал на нашу Родину. И не могу не вспомнить огромный вклад, который внесла советская, российская наука в победу над врагом... Очень многое тогда было сделано советской наукой для того, чтоб победить этого коварного врага, противника». Все правильно. Но тогда эффективность науки оценивалась не по индексу Хирша и не по «макропоказателям» министра Васильевой [24].

•••

Завершу ответы на вопросы газеты «Самарское обозрение» (и пару своих) словами экономиста, дальневосточного академика Павла Минакира [25]: «В 1940-1950-х годах Академия наук обеспечила не только спасение страны, но и её лидерство в новом ядерно-космическом мире. Но это благодаря тому, что в 1913 году Российской академии наук никто не «реформировал», хотя начиналась мировая война и в России все было импортное. В 2040-2050-х мир перейдет в новую технологическую эру, возникнет новая цивилизация. А в 2013 году Российскую академию наук «реформировали», несмотря на то что весь мир непрерывно наращивает свои усилия именно в области фундаментальных наук. И если все-таки Россия сумеет достойно войти в этот новый мир, даже не лидируя, но все же сохраняя достоинство, то случится это вопреки нынешним «околонаучным реформаторам», благодаря самоотверженности и преданности науке и Отчизне тех, кого ныне клеймят «немошными старцами» и загоняют в «неошарашки»».

Отдельные плюсы реформы РАН (например, в законе декларируется, что РАН является официальной экспертной площадкой для государства) с лихвой перекрываются минусами. Убежден (и не только я [7, 16, 26-28 и др.]¹⁰), что в результате

¹⁰Надеюсь, две работы чл.-корр. РАН Юрия Батурина [28, 29] будут интересны всем, особенно, молодым журналистам.

принятия закона об Академии наук государство и общество совершили стратегическую ошибку, исправить которую быстро не удастся.

Но не будем терять оптимизма (хотя бы по Марку Твену: «Двадцатый век отличается от девятнадцатого тем, что в девятнадцатом слова «оптимист» и «дурак» не были синонимами»). Владимир Путин на заседании Совета по науке и образованию 8 декабря 2014 г. так подвел его итоги: «Нам нужно, как это ни печально, но, может быть, тоже в ручном режиме отыскать эту золотую середину, объединяя, но ничего не разрушая, не дай бог. Мы ещё в одном месте ничего, может быть, как следует не создали, другое уже разрушили, то, что наработано там веками. Ни в коем случае этого делать не будем. Но сближать, взаимно дополнять друг друга не только возможно, а обязательно нужно делать, аккуратно, не разрушая, а только наращивая наши возможности. Надеюсь, что по такому пути мы с вами и пойдём». Прямо «вторая часть Марлезонского балета»: текст почти из предвыборной программы Владимира Фортова, а не интервью Андрея Фурсенко...

И совсем уже заканчивая статью, приведу один интересный факт. Главным трудом педагогической теории чешского основоположника научной педагогики, писателя, общественного деятеля, епископа Чешскобратской церкви, систематизатора и популяризатора классно-урочной системы Яна Коменского [Jan Amos Komenský; 1592-1670] считается книга (1657 г.), полное название которой звучит следующим образом: «Великая дидактика, содержащая универсальное искусство учить всех всему, или верный и тщательно обдуманый способ создавать по всем общинам, городам и селам каждого христианского государства такие школы, в которых бы все юношество того и другого пола, без всякого, где бы то ни было, исключения, могло бы обучаться наукам, совершенствоваться в нравах, исполняться благочестия и таким образом в годы юности научиться всему, что нужно для настоящей и будущей жизни» [29, с. 242]. Блестяще! Нашим бы чиновникам «от образования и науки» да такую

прозорливость, как только в одном названии книги великого педагога-гуманиста!

*Геннадий Розенберг,
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии наук,
директор Института экологии Волжского бассейна РАН,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Лауреат премии Правительства Российской Федерации
в области науки и техники.
г. Тольятти*

ЛИТЕРАТУРА

1. Фурсенко А. О перспективах российской науки: взгляд со Старой площади / А. Фурсенко, А. Бикбов // Сайт газеты «Известия». – 25 дек. – 2014. – [рнф.рф/ru/node/1216](http://rnf.ru/node/1216).

2. Розенберг Г. С. О перспективах российской науки: взгляд из провинции / Г. С. Розенберг // Газ. «Flora Foliumii». – 7 февр. – 2015. – № 7 [142]. – С. 2–8. – <https://sites.google.com/site/torbobfail/>.

3. Розенберг Г. С. Еще раз о РАН, ФАНО, ВАК и других буквосочетаниях / Г. С. Розенберг // Самарская Лука : проблемы региональной и глобальной экологии. – 2014. – Т. 23. – № 3. – С. 24–35.

4. Розенберг Г. С. 13 февральских тезисов о 290-летию Российской академии наук (сквозь «экологическую призму») / Г. С. Розенберг // Российской академии наук – 290 лет. Экологическая наука на Волге : история, состояние перспективы. Тольятти : Кассандра, 2014. – С. 12–18.

5. Розенберг Г. С. Институт экологии Волжского бассейна РАН / Г. С. Розенберг, С. А. Сенатор // Российская Академия наук. Хроника протеста. Июнь–июль 2013 г. – М. : Журнал «Русский репортер», 2013. – С. 122.

6. Макфедьен Э. Экология животных. Цели и методы / Э. Макфедьен. – М. : Мир, 1965. – 375 с.

7. Рубцов А. В. Спецоперация в РАН : зачем академию превращают в игрушку / А. В. Рубцов // Forbes. – 2013.01.07. – <http://www.saveras.ru/archives/3131>.

8. Хрущев Н. С. О строительстве и благоустройстве в колхозах / Н. С. Хрущев // Газ. «Правда». – 4 марта. – 1951. – <http://ihistorian.livejournal.com/325726.html>.

9. Мазур Л. Н. Аграрное развитие и сельское расселение в России в XX в. / Л. Н. Мазур // Документ. Архив. История. Современность : Сб. научных трудов. Вып. 7. – Екатеринбург : Уральский ун-т. – С. 190–225.
10. Никитаева Е. Б. Исчезающая деревня (1960 – середина 80-х годов) / Е. Б. Никитаева // Судьбы российского крестьянства. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. – С. 436–462.
11. Касымов А. Человек с образованием / А. Касымов // Газ. «Вечерняя Уфа». – 24 сент. 1971. – С. 4.
12. Экологическое образование и образованность – два «кита» устойчивого развития. – Самара и др. : Самар. гос. эконом. ун-т, 2014. – 292 с.
13. Kneller G.F. Introduction to the Philosophy of Education. N. Y.: John Wiley and Sons, 1971. 128 p.
14. Педагогика школы. – М. : Просвещение, 1977. – 383 с.
15. Кара-Мурза С. Система ЕГЭ является контрпродуктивной / С. Кара-Мурза // Русская народная линия. – 2011. – http://ruskline.ru/news_rl/2011/09/22/.
16. Рогов С. М. Новая шоковая терапия и «реформа РАН» : реалии российской науки / С. М. Рогов. – М. : Наука, 2013. – 77 с.
17. Ланьшина Т. А. Проблемы сохранения конкурентоспособности национальной инновационной системы США / Т. А. Ланьшина // Россия и Америка в XXI веке (научный электронный журнал). – 2014. – № 1. – <http://www.rusus.ru/?act=read&id=404>.
18. Лазуткина Д. Объединение вузов : Если связать двадцать кроликов за лапы – слон не получится. – 2012. – <http://ami-map.ru/news/obrazovanie/262-obedinenie-vuzov.html>.
19. Майсак О. С. SWOT-анализ : объект, факторы, стратегии. Проблема поиска связей между факторами / О. С. Майсак // Прикаспийский журнал : управление и высокие технологии. – 2013. – № 1 (21). – С. 151–157.
20. Золотов Ю. А. Выборы в Академии наук / Ю. А. Золотов. – М. : Физматлит, 2011. – 208 с.
21. Рубцов А. В. Наука и власть / А. В. Рубцов // Отечественные записки. – 2014. – № 1 (58). – С. 193–205.
22. Игра в цыфирь, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей по библиометрике). – М. : МЦНМО, 2011. – 72 с. – <http://www.mcsme.ru/free-books/bibliometric.pdf>.
23. Степанов Ю. После нас – хоть потоп? Послесловие к обращению / Ю. Степанов // Взгляд-инфо. – 2017. – <http://www.pda.vzsar.ru/blogs/3418>.

24. Ваганов А. Академию наук предлагают разрушить руками самих академиков / А. Ваганов // Независимая газета (НГ-Наука). – 6 июля. – 2017. – http://www.ng.ru/science/2017-07-06/100_randestroy.html.

25. Минакир П. Что останется после блицкрига / П. Минакир // Эксперт. – 28 окт. – 2013. – № 43 (873).

26. Три года реформы РАН : неподведенные итоги. – М. : 1julyclub.org, 2016. – 162 с.

27. Батурин Ю. М. Похвала ФАНО. Искусствоведческий комментарий к академической реформе / Ю. М. Батурин // Новая газета. – 18 марта. – 2016. – № 28. – С. 14–16.

28. Батурин Ю. М. «Охота на Снарка», или Охота на РАН. Попытка осмысления абсурда происходящей реформы Академии наук / Ю. М. Батурин // Независимая газета – Наука. – 23 марта. – 2016. – № 056 (6670). – С. 14–16. – http://www.ng.ru/nauka/2016-03-23/12_hunt.html.

29. Коменский Я. А. Великая дидактика / Я. А. Коменский // Избранные педагогические сочинения : В 2-х т. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 1. – С. 242–476.

ОСНОВЫ ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ КАК ПРОПЕДЕВТИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Как известно, действующий Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) не устанавливает обязательные для изучения дисциплины.

Однако традиционно профессиональная составляющая обучения студентов в бакалавриате по направлению 42.03.02 Журналистика начинается с пропедевтической дисциплины теоретического характера. В прежние годы она была закреплена в стандарте и имела определённые названия: либо «Основы журналистики», либо «Введение в журналистику», либо те же варианты с добавлением слова «теория». На факультете журналистики Воронежского государственного университета в настоящее время применяется название «Основы теории журналистики». Заметим, что варианты без слова «теория», пожалуй, всё-таки предпочтительнее, просто потому, что они короче, а значит, их удобнее использовать в общении со студентами. Характерно, что последние издания учебника по дисциплине петербургского специалиста С. Г. Корконосенко называются «Введение в журналистику».

Теоретический характер пропедевтической дисциплины без формального указания на него в её названии, разумеется, не отменяется. Цель изучения дисциплины «Основы теории журналистики» (или подобных ей) – сформировать у студентов научно обоснованные представления о наиболее общих вопросах журналистской деятельности, заложить теоретическую базу для освоения в дальнейшем всех других профессиональных дисциплин. Соответственно, студенты получают знания высокого уровня обобщения. Здесь обнаруживается главная проблема преподавания дисциплины: студенты-первокурсники слабо подготовлены к восприятию такой информации, а перемещать пропедевтику в учебном плане на более позднее время нельзя.

Как эта проблема может решаться? Прежде всего, считаем, что преподаватель в данных обстоятельствах должен почти полностью брать на себя задачу поиска и систематизации учебного материала и выдавать его студентам в основном в виде готового знания. Проблемный стиль изложения вряд ли будет эффективным как раз ввиду объективной сложности получаемой информации для обучающихся. Отсюда вытекает особая значимость лекций как формы занятий по дисциплине и целесообразность проведения практических занятий преимущественно в форме семинаров, на которых будет закрепляться вычитанный на лекциях материал.

Конечно, полностью отказываться от проблемного подхода в преподавании пропедевтической дисциплины не следует. Он может быть вполне уместен и даже просто неизбежен при изучении некоторых важнейших тематических разделов. Например, традиционно в содержание дисциплины включается тема о функциях журналистики. Она требует проблемного подхода, потому что исследователи предлагают разные концепции, что объясняется сложностью предмета изучения. Можно выделить несколько концепций и провести их сравнительный анализ. Например, на факультете журналистики ВГУ обсуждаются три концепции – Е. П. Прохорова, Н. Н. Богомоловой и С. Г. Корконосенко. Они выбраны потому, что их изучение в приведенной последовательности даёт возможность проследить преемственность и развитие определённых идей (в частности, переход от одноуровневого рассмотрения функционирования журналистики к многоуровневому).

Самый важный момент касательно любой дисциплины – это её содержание. Важно, что в случае с «Основами теории журналистики» оно не полностью определяется пропедевтической направленностью дисциплины. Мы уже говорили выше о необходимости заложить фундамент для изучения других профессиональных дисциплин. В первую очередь это касается учебных курсов, связанных с созданием информационного продукта, с правовым и этическим регулированием журналистской деятельности, с системой СМИ и их экономикой. Вроде бы по-

лучается, что нужно преподавать основы знаний каждого из названных направлений в теории и практике журналистики, и потом эти основы будут развиваться и дополняться при дальнейшей реализации учебного плана.

Однако прямолинейно компилятивное построение содержания пропедевтической дисциплины неприемлемо. Даже краткий обзор истории возникновения и развития журналистики, который может стать одной из первых тем, имеет самостоятельное значение при условии, что он построен на выделении действительно ключевых моментов в этом процессе и их концептуальном представлении с точки зрения того, какую роль они сыграли в формировании журналистики в её современном виде. История журналистики в подробном изложении со всей необходимой фактографической информацией – это другой масштаб и угол зрения. Кроме того, есть темы, которые уже не будут специально изучаться в рамках других профессиональных дисциплин. Примером может послужить раздел «Проблема свободы журналистики» – в дальнейшем обучении могут затрагиваться лишь отдельные аспекты его содержания.

При имеющейся сегодня относительной свободе формирования учебных курсов содержание пропедевтической дисциплины может несколько различаться в зависимости от предпочтений преподавателей. Представляется оправданным включение в содержание курса примерно таких тематических разделов: «Понятие журналистики. Структура журналистской деятельности», «Возникновение и развитие журналистики: краткий исторический обзор», «Журналистика как массово-информационная деятельность», «Функции журналистики», «Проблема свободы журналистики», «Социальная позиция журналиста», «Журналистика как система СМИ», «Журналистика и другие виды массовых коммуникаций: общее и различное». Последняя тема представляется значимой ввиду приобретающего популярность комплексного подхода к обучению профессиям, связанным с коммуникативной деятельностью (открытие некоторыми факультетами журналистики направления «Медиакоммуникации»).

Отдельно стоит сказать о практической составляющей изучения дисциплины «Основы теории журналистики», которая, несмотря на её теоретический характер, несомненно, должна присутствовать. Логично, если она будет выражаться в работе студентов, требующей применения освоенного материала при анализе современной журналистской практики. Например, изучение темы «Функции журналистики» можно завершить выполнением обучающимися следующего практического задания: выявить, какие функции журналистики выполняет выданная для анализа публикация, и описать, каким образом она их выполняет. Аналитическая работа студентов может соединяться с творческим самовыражением, для чего подходит формат эссе. Например, изучение раздела «Проблема свободы журналистики» можно закончить написанием эссе на тему «Свободна ли журналистика в нашей стране в наше время?». Предварительно стоит порекомендовать студентам материалы о состоянии свободы СМИ в современной России, а также попросить их найти такого рода информацию самостоятельно.

Что касается формы отчётности, для теоретических дисциплин в качестве промежуточной аттестации ограничен экзамен, и проводить его в нашем случае лучше всего в традиционной форме. Важно предоставить студенту возможность дать развёрнутый ответ по определённой теме, показывающий владение учебным материалом, умение излагать его системно, иллюстрировать актуальными и адекватными примерами. Метод выборочной проверки знаний можно использовать в текущей аттестации. Поскольку в процессе изучения дисциплины вводится много новых для студентов понятий, её можно проводить в форме письменных контрольных работ – тестов с преобладанием открытых вопросов.

*Юрий Гордеев,
кандидат филологических наук,
зав. каф. теории и практики журналистики ВГУ*

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ КАК СРЕДСТВО КОНСОЛИДАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕДИАСООБЩЕСТВА

Среди основных журналистских принципов, то есть профессиональных ориентиров (наряду с объективностью, ответственностью, верностью общечеловеческим ценностям и т. д.) называют часто и солидарность. Однако сразу же приходится констатировать, что в современных условиях это одна из наиболее труднодостижимых целей. Продолжая внутри большинства сфер управляться вертикально, в целом за последние четверть века журналистика превратилась в структуру горизонтальную. В ее составе, помимо государственных, обнаруживаются также СМИ многопартийные, общественные, корпоративные, частные, и представители редакций разного типа вступают не только в коалиции и состязаются не только творчески – в ходу и рыночная конкуренция, и политическое оппонирование, и элементарное пренебрежение друг к другу.

Кто и как в подобных обстоятельствах способен формировать хотя бы минимальный профессиональный консенсус? Такими полномочиями не обладают сейчас соответствующие федеральное министерство и местные ведомства. Союз журналистов России и его региональные отделения включают на сегодняшний момент ветеранов иногда поболее, чем действующих работников (соотношение по Ивановской организации приблизительно 13 к 7, количество членов СЖ до 30 лет здесь 12 из 297, весьма немногочисленна радиотелевизионная группа). Поэтому и возникает необходимость внедрения в процесс какой-то третьей, в определенном смысле – нейтральной, силы.

Ею, по нашему убеждению, и может выступать профильная кафедра (факультет), готовящая, а главное, уже подготовившая к выполнению профессиональной деятельности какую-то часть медиасообщества. Идея стать площадкой для интеграции местных журналистов в Ивановском государственном университете начала реализовываться вскоре после создания специ-

ального подразделения. Правда, в январе 2003 года, когда – в связи с юбилеем российской печати – была задумана и проведена первая конференция, она носила пока скорее академический характер. Ее участниками оказались прежде всего литературоведы и лингвисты филологического факультета ИВГУ, а выступления журналистов-практиков и современный медийный материал оставались на периферии.

Однако уже к следующему разу (а периодичность проведения конференций была определена организаторами как двухгодичная) пропорции изменились. Заведующий кафедрой вошел в правление регионального отделения Союза журналистов, выстраивались договорные отношения с Департаментом общественных связей, молодежной и информационной политики (нынешнее название – Департамент внутренней политики), который курировал все районные и некоторые областные издания, в местные редакции пришли первые выпускники профильного специалитета. Все это позволило переосмыслить формат конференций, сделавшиеся научно-практическими. Властные структуры стали рассматривать их в качестве дополнительных образовательных семинаров, в ходе которых редакторы и корреспонденты из глубинки могли получать консультации специалистов по насущным вопросам (особенностям допечатной подготовки газет и их современного дизайна, создания сайтов изданий и взаимоотношений местных СМИ с пресс-службами). Союз журналистов как объединение творческое – без лишних, неподъемных для него теперь, затрат, то есть на уровне обмена опытом – стремился повышать квалификацию своих реальных и потенциальных членов (по части условий трудоустройства, профессиональной этики, речевой культуры, новейших технологий, ситуации в смежных видах массмедиа). Студенты знакомились с результатами текущей практики, завязывали контакты с будущими работодателями.

Со временем проблематика конференций существенно обновлялась. Это было вызвано, во-первых, бурными изменениями в медийном пространстве (глобализацией, конвергенцией, появлением социальных сетей, активным вмешательством в

информационный обмен любителей и т. п.). Во-вторых, кафедра приступила к подготовке специалистов (а затем бакалавров) не только в области журналистики, но и в сфере рекламы, чуть позднее – связей с общественностью. В-третьих, с 2013 года научно-практическая конференция получила статус международной, включив в себя темы, трактуемые не только в региональном, но и в страноведческом аспекте. На трех последних форумах с сообщениями и докладами выступали исследователи и практики из нескольких стран СНГ и Африки, а кроме того – из Германии, Китая, Палестины, Вьетнама, Монголии. Часть из них окончили ИвГУ. Общение с иностранцами расширяет кругозор местных профессионалов, в особенности же – влияет на представления студентов.

С 2003 по 2017 год было проведено восемь обозначенных конференций, по итогам которых издано шесть сборников (седьмой сдан в производство). Это «Ивановская журналистика и развитие СМИ: К трехсотлетию российской печати» (Иваново, 2004), «Региональная журналистика и реклама: Теория и практика» (Иваново, 2007, 2009, 2011), «Журналистика, реклама и связи с общественностью: Региональный и страноведческий аспекты» (Иваново, 2013, 2015). В центре внимания большинства публикаций – актуальные проблемы средств массовой коммуникации, взятые по преимуществу в их конкретном виде. Исследования учитывают все разновидности СМИ, включая интернет-журналистику; постигают повседневную деятельность редакций, рекламных фирм, ПР-агентств, медикритиков. В ряде статей восстанавливаются явления давней истории, однако основной массив выступлений связан с современностью. Наряду с преподавателями вузов авторами являются главные редакторы областных и районных газет, журналов, радиостанций, телеканалов, рядовые журналисты, сотрудники пресс-служб, рекламных и административных организаций. Немало наряду с ними тех, кто еще недавно обучался в университете. Неоднократно дебютировали на страницах перечисленных изданий студенты, аспиранты, а теперь и магистранты кафедры.

Именно напечатанные материалы конференций остаются наглядным свидетельством состоявшегося, реализованного диалога представителей, конкурирующих между собою редакций, специалистов разных местностей и поколений. Sporadически происходящие собрания коллег, искушенных и начинающих, поддерживают атмосферу взаимопонимания, способствуют выработке согласованных решений. Хотелось бы надеяться, что традиция подобных встреч будет сохраняться и упрочиваться.

*Сергей Страинов,
доктор филологических наук,
профессор кафедры
журналистики, рекламы и связей с общественностью
Ивановского госуниверситета.*

ТЕОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Нередко спрашивают: «А что, разве журналистика это наука?». Терпеливо отвечаю: «Конечно, нет. Журналистика – это особая профессия, специфический вид духовно-практической деятельности, опирающейся на публицистику – род литературы, которая рассматривает текущую действительность преимущественно под социальным углом зрения. Но есть *теория журналистики*, или *журналистиковедение* – наука о массово-информационной деятельности, имеющая интердисциплинарный характер, объединяющая усилия филологов и историков, философов и психологов, социологов и политологов, правоведов и экономистов и др.».

Специальность 10.01.10 «Журналистика» представлена в политических и филологических науках: в первой отрасли паспорт специальности включает 15 направлений, связанных с функционированием журналистики в системе информационной политики, во второй – 60 направлений, связанных с исследованием журналистики как информационного, культурологического и творческого феномена, как системы СМИ и т.д. В первом случае проводятся политологические исследования, объектом которых выступают информационная среда, информационные процессы, обеспечение и управление информационной деятельностью, журналистика и политическая власть; во втором – содержанием специальности являются история, теория и практика журналистики.

Понятно, что включение журналистики в номенклатурный список научных работников, например, подотрасли «Литературоведение» конкретизирует, но сужает возможности исследователей, и, видимо, неслучайно который уже год дискутируется идея о переименовании данной научной специальности – например, в *коммуникативистику*. Останавливает, видимо, то, что слишком широкими и не привязанными к социальным сферам становятся направления исследований. Тем более что у теории журналистики определен свой *объект познания* – сущ-

ность многофакторного и текущего процесса функционирования постоянно обновляемой социальной информации. Теоретик журналистики имеет дело со сложнейшими материями: общественным сознанием – социальной психологией (обыденно-практический уровень) и идеологией (научно-теоретический уровень), а также со специфическим родом общественного сознания – массовым сознанием, которое составляют идеи, суждения, представления, иллюзии, чувства, настроения и т.п. То есть ученые призваны постигать и описывать не статичные, а продолжающиеся процессы – то же общественное мнение под влиянием СМИ может мгновенно поменяться. Тем не менее методы и формы исследования, исследовательский инструментарий уже определены, а вот категориальный и понятийный аппарат всё еще уточняется [1], что объясняется именно интердисциплинарностью нашей науки.

Теория журналистики планомерно и систематически фиксирует процесс отражения медиапрактиками фактов текущей действительности, отмечая тенденции, выявляя закономерности и рождая новое знание, истинность которого логически обосновывается. При этом важны как *эмпирические*, ориентированные на явления, так и *теоретические исследования*, ориентированные на сущность. В первом случае ученые отдают предпочтение таким методам исследования, как наблюдение, эксперимент, во втором – системному подходу, идеализации и т.п. «Эмпирики» нацеливаются на эмпирические факты, классификации, эмпирические законы, «теоретики» – на законы, раскрытие существенных связей и теории. Например, сегодня, с вступлением в «эпоху компьютеров и интернета» мы переживаем этап обобщения и классификации фактов, связанных с освоением новых жанровых форм, которые диктует конвергентный подход.

Теория журналистики, в отличие от наук естественно-научного направления, где субъект познания имеет дело с «чистыми» объектами, опирается на социальное познание, и журналистиковед имеет дело с социальными объектами, с обществом (героями, аудиторией), где действуют субъекты, наделенные

сознанием, морально-этическими установками. При этом исследователь, призванный к объективности, будучи членом общества, объективно испытывает влияние окружающего социума, общепринятых и личностных ценностных ориентаций.

Конечно, в теории журналистики есть как *лакуны* (например, глубоко не исследована история журналистики XX в.; история журналистики всё еще представлена как история журналистики двух столиц), так и *перекосы* (так учеными практически забыта поэтика публицистики; мало диссертаций и монографий, посвященных проблематике СМИ; важно изучать новые медиа и современные технологии, но нельзя ограничиваться лишь «технологическим» аспектом).

Возвращаясь к вопросам, сформулированным организаторами московского научно-методологического семинара, отметим, что национальное своеобразие отечественной медиатеории связано с национальным своеобразием нашей журналистики, которая, с одной стороны, возникла как государственная цензурная деятельность, а с другой стороны – получила развитие в эпоху «персонального журнализма» и «художественной публицистики». В истории российской журналистики среди редакторов, памфлетистов, очеркистов, репортеров значатся имена лучших отечественных писателей. Особая журналистика сформировала особую аудиторию «самой читающей страны».

Если в категориальном аппарате журналистики одним из основных понятий является понятие «средства массовой информации», то медиа опираются на понятие «средства массовой коммуникации», т.е. «медиа», с одной стороны, шире журналистики, с другой – отражают скорее технологический аспект информационных процессов.

Отечественная теория журналистики складывалась на протяжении всего прошлого века, опираясь на мощный историко-филологический ствол. При этом представители московской, ленинградской, свердловской, ростовской, воронежской и других школ развивали различные направления: исторический, социологический, психологический, профессионально-творческий, типологический, экономический и др. Назвать имена всех тех, кто внес

существенный вклад в отечественное журналистиковедение, не просто – перечислим лишь некоторых из тех, кто стоял у его истоков: А. Ф. Бережной, В. Г. Березина, Г.А. Гуковский, С. М. Гуревич, В. Е. Евгеньев-Максимов, Б. И. Есин, А. В. Западов, Я. Н. Засурский, В. Д. Пельт, Е. И. Пронин, Е. П. Прохоров, В. В. Ученова. Труды этих и других ученых отличало сочетание фундаментальных и прикладных подходов, и сегодня можно говорить о таких сложившихся научно-учебных направлениях, как «История журналистики», «Типология журналистики», «Поэтика публицистики», «Социология журналистики», «Психология журналистики», «Политология журналистики», «Медиаэкономика» и др., что отвечает принципу системности, взятому на вооружение учеными, развивающими российскую теорию журналистики.

*Владимир Тулунов,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой рекламы и дизайна
Воронежского государственного университета.*

Литература:

1. Свитич Л. Г. Миссия журналистики: поле понятий и терминов // Л. Г. Свитич // Вопросы теории и практики журналистики. – 2013. – № 3. – <https://istina.msu.ru/publications/article/3518679> (дата обращения 5.10.17).

ЭФФЕКТИВНЫЙ УЧЕБНЫЙ ПЛАН В УСЛОВИЯХ ОПТИМИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В связи с введением зависимости штатного расписания от подушевого финансирования, без учёта учебных поручений, процесс обучения студентов оказался под угрозой: нагрузки, заложенной в учебный план, значительно больше, чем предусмотрено штатным расписанием, которое зависит только от количества обучаемых студентов. Возникла проблема сокращения объёма аудиторной нагрузки. Какие пути сокращения давления нагрузки на преподавателя мы видим?

1. На факультете журналистики ВГУ реализуются три направления из укрупнённой группы специальностей 42.03.00: 42.03.01 Реклама и связи с общественностью, 42.03.02 Журналистика, 42.03.04 Телевидение. Безусловно, у них есть общие дисциплины не только социально-экономического характера («История», «Философия», «Социология», «Политология», «Экономика», «Психология», «Культурология», «Безопасность жизнедеятельности»), но и общепрофессиональные дисциплины, связанные с русским языком, литературой, теорией и практикой журналистики, технологией СМИ и СМК. Лекционные курсы из трёх потоков разных направлений можно объединить в один.

2. Нужно стремиться выстраивать курсы профилей и курсы по выбору так, чтобы часть из них находилась в каждом из учебных планов, в результате чего студенты разных направлений смогли бы посещать одновременно лекции по общей дисциплине. Например, дисциплина «Консалтинг в связях с общественностью» есть в направлении 42.03.01 Реклама и связи с общественностью (профиль «Связи с общественностью в СМИ») и в направлении 42.03.02 Журналистика (профиль «Реклама и публик рилейшнз»), или дисциплина «Связи с общественностью в сфере применения» читается на направлении 42.03.01 Реклама и связи с общественностью как обязательная в профиле «Свя-

зи с общественностью в СМИ» и как дисциплина на выбор в профиле «Реклама в СМИ», а также на направлении 42.03.02 Журналистика в профиле «Реклама и публик рилейшнз»). Дисциплины направления 42.03.04 Телевидение могут совпадать с некоторыми дисциплинами направления 42.03.02 Журналистика (профиль «Телевидение и радиовещание»). Важно, чтобы в плане совпадающие учебные предметы стояли в одном семестре и имели одинаковое количество часов. Конечно, одновременное посещение студентами разных направлений общих занятий связано с трудностями в построении расписания, но оптимизация учебного процесса заставляет решать эти технические проблемы.

3. Снижению давления нагрузки будет способствовать укрупнение курсов в зачётных единицах. Необходимо изыскивать возможность объединения курсов по выбору, формируя, например, из десяти блоков пять, удваивая количество зачётных единиц: аудиторная нагрузка сократится вдвое, а на самостоятельную работу вдвое увеличится.

4. Сокращению объёма нагрузки будет способствовать уменьшение количества недель теоретического обучения. На две количество недель сократится по объективным причинам – в связи с изъятием праздничных дней из графика учебного процесса.

5. Но есть ещё один ресурс, он связан с проведением и оцениваем учебной и производственной практик. Как правило, практики расположены в графике по окончании летней сессии. Оценка же за практику выставлялась осенью следующего курса, и отчётность относилась к зимней сессии. Оказалось, что такой подход является нарушением: оценка должна выставляться в том же учебном году, в котором реализуется практика. В реальности это далеко не всегда удаётся сделать, поэтому мы предлагаем неделю практики перенести на начало сентября, тогда и будет оцениваться практика, а промежуточная аттестация её войдёт в зимнюю сессию. Таким образом нечётный семестр сократится ещё на одну неделю, что уменьшит объём учебной нагрузки.

6. Есть ещё одна возможность сократить нагрузку: перевести занятия из лабораторных групп в академические. Но для дисциплин, связанных с созданием и редактированием текстов, такое объединение пагубно: у каждого студента индивидуальный текст, и каждый текст должен быть разобран в аудитории.

7. Уменьшению нагрузки будет способствовать и ликвидация профилей в бакалавриате. Стоит ли сегодня готовить отдельно журналистов для газетной и журнальной прессы, телевидения и радио или всё-таки актуальнее реализовывать программы по подготовке журналистов для конвергентной редакции? Думается, есть смысл оставить направленность только в магистерских программах.

Наши предложения, бесспорно, дискуссионные. Хотелось бы узнать мнение коллег по столь насущному сегодня вопросу.

*Елена Бебчук,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры стилистики и литературного редактирования,
замдекана по учебной работе факультета журналистики
Воронежского госуниверситета.*

О МЕДИАДИЗАЙНЕ И ВЫПУСКЕ СМИ

В издательстве «Аспект Пресс» выходит учебное пособие профессора В. В. Тулупова, заведующего кафедрой рекламы и дизайна, декана факультета журналистики ВГУ. Оно посвящено оформлению и выпуску СМИ: Тулупов В.В. Техника и технология медиадизайна. Книга 1: Пресса. – Москва, 2018.

Автор рецензируемой книги является опытным исследователем дизайна печатных СМИ – его первая монография «В мастерской газетного оформителя» вышла еще в 1986 г. Помимо монографических исследований («Российская пресса: дизайн, реклама, типология», Воронеж, 1996; «Дизайн и реклама в системе маркетинга российской газеты», Воронеж, 2000; «Газета: маркетинг, дизайн, реклама», Воронеж, 2001), В. Тулупов выпустил также более десяти учебников, учебных и учебно-методических пособий, посвященных данной проблематике («Техника и технология периодических изданий», Воронеж, 2005; «Дизайн периодических изданий», Санкт-Петербург, 2006; «Сборник упражнений по типометрии и верстке газеты», Воронеж, 2007; «Рабочая тетрадь по типометрии», Воронеж, 2008; «Моделирование в журналистике», Воронеж, 2010; «Изобразительная журналистика», Воронеж, 2012). Вот почему новое учебное издание, предназначенное для студентов факультетов и отделений журналистики, изучающих дисциплину «Техника и технология средств массовой информации», отличается и основательной теоретической проработкой, и практико-ориентированным подходом вузовского преподавателя, имеющего богатый опыт работы в секретариатах газет различного типа – в областной молодежной, в городской вечерней, в региональной деловой и др. (заметим в скобках, что автор и сегодня является главным редактором двух журналов).

Данное учебное пособие отличается последовательным и логичным изложением материала: вначале автор предлагает студентам познакомиться с основными понятиями и терминами

медиадизайна, затем – с процессом оформления содержания в прессе, наконец, – с восприятием формы периодического издания (глава первая «Теория медиадизайна»). Вторая глава «Технологии пресс-дизайна» содержит четыре параграфа: «Шрифтография», «Постоянные элементы периодических изданий», «Изобразительная журналистика», «Дизайн рекламы»). Третья глава посвящена вопросам типологии, моделирования в журналистике и выпуску СМИ.

Учебное пособие выстроено с учетом современных требований к восприятию учебного материала: оно содержит ключевые слова, оформленные особым образом части, посвященные наиболее существенным моментам оформления газет и журналов, а также практические рекомендации работникам секретариата, макетчикам и верстальщикам.

В книге есть списки использованной и рекомендуемой литературы, перечень актуальных интернет-ресурсов, приложение (словарь медиадизайнера, ошибки при верстке газетных полос).

Учебное пособие снабжено большим количеством иллюстраций – репродукций полос, фотографий разных жанров, рекламных объявлений и др. Все иллюстрации содержат подписи, представляющие собой развернутые комментарии. Завершается пособие алфавитным указателем.

*Сергей Васильев,
доктор филологических наук,
профессор
Института гуманитарных наук БФУ имени И. Канта.*

РОССИЙСКИЕ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ ПО ЖУРНАЛИСТИКЕ

На сайте факультета журналистики МГУ (<http://www.journ.msu.ru/science/pub/msu-bulletin/>) дана общая информация о серии «Журналистика» «Вестника Московского университета».

Это – рецензируемое научное издание с периодичностью выхода 6 раз в год. Публикуемые в нем материалы посвящены проблемам журналистики, СМИ, массовой коммуникации. Журнал ориентирован на публикацию статей, представляющих собой результаты самостоятельного исследования, организованного и проведенного в рамках научного подхода. Авторы – ведущие российские и зарубежные ученые и исследователи.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

Группы научных специальностей: 10.01.00 – литературоведение; 10.02.00 – языковедение.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Плата за публикацию в «Вестнике Московского университета. Серия 10. Журналистика» с авторов не взимается.

Есть также информация об **издательстве**: Издательский Дом (Типография) МГУ – старейшее и крупнейшее учебно-научное издательство России, выпускающий ежегодно около 150 названий книг практически по всем областям современного научного знания: учебную и научную литературу для студентов, аспирантов, преподавателей и специалистов, пособия для поступающих в вузы, а также научно-популярную, научно-ху-

дожественную и справочную литературу для широкого круга читателей. Издательский дом также выпускает более ста номеров научных журналов «Вестник Московского университета» (29 серий) и «Бюллетень Московского общества испытателей природы». Издательский дом – неоднократный победитель различных конкурсов: «Деловая книга России», конкурса «Лучшая книга года», проводимого Ассоциацией книгоиздателей России, и др.

Размещена *важная информация для авторов*: «Просим авторов обратить особое внимание на то, что, присылая материал для публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика», они соглашаются с тем, что их опубликованные статьи будут размещены в открытом доступе на странице журнала в сети Интернет», а также раздел «Соблюдение этических норм»: «Редакционная коллегия научного периодического издания «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» придерживается этических норм и стандартов, принятых международным научным сообществом в качестве образцов наилучшей практики.

В частности, редакционная коллегия стремится соответствовать положениям, сформулированным Комитетом по этике научных публикаций (Россия, Москва) в Кодексе этики научных публикаций.

Наряду с этим, редакционная коллегия всячески поддерживает базовые этические принципы работы с научной информацией:

- непредвзято, взвешенно и объективно оценивает все поступающие материалы,
- при работе с материалами руководствуется лишь критериями оригинальности, научной значимости и актуальности текстов,
- до публикации обеспечивает конфиденциальность всех материалов, поступивших ей на рассмотрение,
- гарантирует отсутствие личных интересов в работе с материалами сторонних авторов,

- не принимает от авторов вознаграждений в явной или неявной форме,
- борется с плагиатом всеми доступными способами,
- строго следует нормам законодательства, установленным правилам и процедурам.

Редакционная коллегия научного периодического издания «Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика» заявляет об отсутствии злоупотреблений и конфликта интересов при выполнении ею своих обязанностей».

Всё перечисленное переведено на английский язык, как и состав редакционной коллегии, научного совета, правил представления публикаций и порядок рецензирования присылаемых статей.

Есть перечень рубрик издания, электронный архив номеров и контакты.

«Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература» (<http://vestnikphil.spbu.ru>) – научный журнал, публикующий проблемные статьи, аналитические обзоры, результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, рецензии на научные публикации, хронику научных событий и сообщения о достижениях ведущих научных школ Санкт-Петербургского государственного университета.

В специальном разделе издание знакомит читателей с отдельными этапами истории университета, с жизнью и деятельностью его известных ученых.

Периодически издаются тематические выпуски, посвященные отдельным этапам в истории культуры или научным направлениям и школам. Цель таких выпусков – емко и разносторонне осветить современное состояние изучения актуальной научной проблемы.

Журнал адресован российским и зарубежным ученым, студентам и аспирантам, всем интересующимся филологическими и междисциплинарными гуманитарными исследованиями, теоретическим и прикладными изучениями в сфере СМИ.

На сайте изложены принципы формирования редакционного портфеля, которые определяются редколлекцией и являются одной из составляющих долгосрочного планирования журнала: «Эти принципы соотносятся с основными структурно-содержательными характеристиками журнала, обуславливают их и определяют «лицо» журнала и его место в кругу ему подобных. Данные характеристики так или иначе отражаются в концепции журнала или могут составлять отдельное приложение к ней. Изменение данных принципов возможно по инициативе любого из членов редколлекции и должно быть одобрено на общем собрании редколлекции простым большинством ее членов.

Стратегия подбора авторов такова. Журнал является авторитетным научным изданием в области филологии, лингвистики, журналистики и междисциплинарных гуманитарных исследований в России, а в перспективе стремится стать таковым и в международном научном пространстве. Это направление подразумевает приглашение к авторскому участию в работе журнала ведущих российских и зарубежных, в частности – европейских ученых, строгий конкурсный отбор материалов, обеспечиваемый независимым, квалифицированным рецензированием поступивших статей, предоставление открытого доступа к материалам журнала в интернет-пространстве, что должно привести к повышению научного рейтинга журнала в российской (РИНЦ), а в перспективе и в авторитетных зарубежных наукометрических базах данных (*Web of Science, Scopus*).

В то же время журнал приветствует публикацию статей профессорско-преподавательского состава СПбГУ, выступая в прямом смысле вестником научной деятельности петербургских университетских ученых. В равной степени журнал приветствует публикацию статей молодых ученых, еще только претендующих на получение ученой степени. Однако авторы из СПбГУ и молодые ученые не имеют преимущества при отборе статей для публикации и участвуют в конкурсе на общих основаниях.

К рассмотрению принимаются все материалы, поступающие на электронную почту журнала. Все поступившие материалы проходят двойное анонимное рецензирование, после

чего решением редколлегии утверждаются к публикации или отклоняются. Единственным критерием отбора материалов к публикации в журнале является их научная значимость. Не предусматривается возможность платных публикаций. Авторские гонорары не выплачиваются.

Авторы статей получают от ответственного секретаря журнала уведомления на следующих этапах работы с их материалами:

- уведомление о том, что статья принята к рассмотрению;
- уведомление о том, что статья утверждена к публикации / отклонена / нуждается в доработке (в случае утверждения статьи к публикации также лицензионный договор для подписания);
- уведомление о том, что статья включена в состав следующего выпуска журнала;
- уведомление о том, что работа над макетом выпуска со статьей автора завершена (а также электронный отпечаток статьи).

Взаимодействие с авторами по вопросам редактирования / корректуры / макетирования их статей осуществляет издательство СПбГУ.

Журнал имеет специальный раздел, посвященный ретроспективному освещению и анонсированию событий научной жизни СПбГУ и Петербурга в области филологии, лингвистики, журналистики и междисциплинарных гуманитарных исследований. В этом разделе публикуются рецензии и хроники, анонсы научных конференций и других событий в научной жизни университета и города.

Журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература» – это научный журнал, стремящийся к тематическому разнообразию и широте.

Тематическая широта публикуемых в журнале материалов призвана отразить многообразие отраслей филологии, лингвистики, журналистики и междисциплинарных гуманитарных исследований, представленных в том числе и в научно-педагогическом пространстве филологического факультета и высшей школы массовых коммуникаций СПбГУ. При этом особое внимание редколлегия уделяет работам, продолжающим развивать

традиции сложившихся и завоевавших авторитет научных школ СПбГУ и – шире – Петербурга.

Журнал публикует материалы, имеющие теоретическую или историческую направленность, а также и материалы, относящиеся к прикладной филологии. Прикладные исследования являются одним из актуальных направлений изучения СМИ и современной филологической науки. Однако прикладные и методические аспекты должны в предлагаемых материалах получать отчетливую связь с теоретическими аспектами филологии».

Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета. Является издателем сериального журнала «**Век информации**» (<http://jf.spbu.ru/actions/5093.html>). Он зарегистрирован в Международном центре ISSN (*Centre International de l'ISSN*) 19 декабря 2012 года, изданию присвоен международный стандартный номер периодических изданий (*International standard serial number*) ISSN 2306-417X.

Издание выходит в печатной версии. Архив размещается в Научной электронной библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Доступ ко всем выпускам издания свободный и бесплатный. Ближайшей задачей является включение в список изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Периодичность выхода – не менее 4 выпусков в год.

Рубрикация охватывает основные направления исследования вопросов журналистики, медиа и массовых коммуникаций. «Век информации» публикует материалы международных и всероссийских конференций, организуемых Институтом «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», в качестве специальных номеров, для выпуска которых создается специальная редколлегия. Все статьи перед публикацией проходят двойное анонимное рецензирование. Языки публикаций – русский и английский».

Статьи принимаются по адресу vek.inform@ya.ru с пометкой «Век информации». На сайте дана информация о Редакционном

совете и редакции, о рецензентах журнала, об условиях публикации и правилах оформления (на русском и английском языках), архив издания.

Журнал «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика» (http://www.vestnik.vsu.ru/content/philolog/index_ru.asp), основанный в 2004 г., выходит 4 раза в год. На страницах журнала публикуются результаты оригинальных филологических исследований и исследований в области массовой коммуникации. К рассмотрению и публикации принимаются ранее не опубликованные статьи на русском языке по проблемам литературоведения и языкознания, теории журналистики, рекламы и связей с общественностью.

Журнал принимает к публикации статьи по филологии и журналистике (10.01.00 – литературоведение, 10.01.01 – русская литература, 10.01.09 – фольклористика, 10.01.10 – журналистика, 10.02.00 – языкознание, 10.02.01 – русский язык). В журнале имеются следующие разделы: «Филология», «Журналистика», «Критика и библиография».

Авторами журнала являются как ведущие ученые России и зарубежных стран, так и начинающие исследователи (преподаватели, аспиранты).

Все статьи проходят процедуру внутреннего анонимного рецензирования.

В каждом номере публикуются «Правила для авторов серии «Филология. Журналистика» научного журнала «Вестник Воронежского государственного университета»:

«Серия «Филология. Журналистика» журнала «Вестник ВГУ» включена в список ВАК при Минобрнауки российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, пред-

ставленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Статьи проходят редакционное рецензирование и в случае положительной рецензии – научное и контрольное редактирование.

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром журнала, поэтому желательна подписка на журнал».

«Журналистский ежегодник» Национального исследовательского Томского государственного университета (<http://journals.tsu.ru/newsman>) ориентирован на преподавателей и исследователей журналистики, молодых ученых, журналистов-практиков.

Целью «ЖЕ» является объединение научных сил исследователей журналистики, разработка новых направлений, обобщение накопленного опыта журналистской практики, расширение и углублений знаний о журналистике в контексте общероссийской и мировой исследовательской парадигмы. Он рассчитан на апробацию в нем результатов научных проектов, диссертационных работ, разрабатываемых новых концепций и гипотез. В издании приветствуется междисциплинарный и практико-ориентированный подход к исследованиям.

Постоянные разделы «ЖЕ» охватывают вопросы теории и истории журналистики, проблемы любых видов и типов СМИ.

*Подготовил Василий Тулунов,
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры связей с общественностью.*

СПИСОК ЖУРНАЛОВ ВАК В ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ» («ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»)

Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований

Litera

Philologia classica

Rhema. Рема

Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики

Антропологический форум

Балтийский гуманитарный журнал

Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: филология и искусствоведение

Вестник Академии наук чеченской республики

Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология

Вестник Башкирского университета

Вестник Брянского государственного университета

Вестник Бурятского государственного университета

Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева

Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология. Журналистика

Вестник древней истории

Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований ран

Вестник Калмыцкого университета

Вестник Кемеровского государственного университета

Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева

Вестник Курган-Тюбинского государственного университета имени Носира Хусрава

Вестник марийского государственного университета

Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: филология. Теория языка. Языковое образование

Вестник Московского государственного лингвистического университета

Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: гуманитарные науки

Вестник Московского государственного областного университета

Вестник Московского университета. Серия 10: журналистика

Вестник Московского университета. Серия 13: востоковедение

Вестник Московского университета. Серия 22: теория перевода

Вестник Московского университета. Серия 9: филология

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского

Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве республики Мордовия

Вестник новосибирского государственного педагогического университета

Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология

Вестник Оренбургского государственного университета

Вестник Педагогического университета

Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология

Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: филология

Вестник Пятигорского государственного университета

Вестник РГГУ. Серия: история. Филология. Культурология. Востоковедение

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: вопросы образования: языки и специальность

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: литературоведение, журналистика

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: русский и иностранные языки и методика их преподавания

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика

Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина

Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология

Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: искусствоведение. Филологические науки

Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика

Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки

Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова

Вестник славянских культур

Вестник Тверского государственного университета. Серия: филология

Вестник Томского государственного педагогического университета

Вестник Томского государственного университета

Вестник Томского государственного университета. Филология

Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates

Вестник угроведения

Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология

Вестник Челябинского государственного университета

Вестник Череповецкого государственного университета

Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева

Вестник Южно-Уральского государственного университета.
Серия: лингвистика
Византийский временник
Вопросы когнитивной лингвистики
Вопросы лексикографии
Вопросы литературы
Вопросы филологии
Восток. Афро-азиатские общества: история и современности
Гуманитарные и социальные науки
Гуманитарные и юридические исследования
Гуманитарные исследования
Гуманитарный вектор
Диалог со временем
Дом Бурганова. Пространство культуры
Древняя Русь. Вопросы медиевистики
Ежегодник финно-угорских исследований
Журнал Сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки
Журналист. Социальные коммуникации
Известия академии наук республики Таджикистан. Отделение общественных наук
Известия Волгоградского государственного педагогического университета
Известия Воронежского государственного педагогического университета
Известия высших учебных заведений. Серия: гуманитарные науки
Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки
Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка
Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета
Известия Смоленского государственного университета

Известия СОИГСИ

Известия Уральского федерального университета. Серия 1: проблемы образования, науки и культуры

Известия Уральского федерального университета. Серия 2: гуманитарные науки

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: лингвистика и педагогика

Известия Южного федерального университета. Филологические науки

Индоевропейское языкознание и классическая филология

Иностранные языки в высшей школе

Казанская наука

Когнитивные исследования языка

Культура и текст

Литература в школе

Медиаальманах

Медиаскоп

Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом

Мир науки, культуры, образования

Мир русского слова

Научная мысль Кавказа

Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки

Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика

Новое литературное обозрение

Новый филологический вестник

Общественные науки

Политическая лингвистика

Преподаватель XXI век

Проблемы востоковедения

Проблемы истории, филологии, культуры

Религиоведение

Российский гуманитарный журнал

Русская речь

Русская словесность
Русский язык в школе
Русский язык за рубежом
Славяноведение
Славянский альманах
Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки
Соловьевские исследования
Социальные и гуманитарные знания
Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке
Текст. Книга. Книгоиздание
Традиционная культура
Уральский исторический вестник
Ученые записки крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки
Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки
Ученые записки Петрозаводского государственного университета
Филоlogos
Филологические науки в МГИМО
Филологические науки. Вопросы теории и практики
Филологические науки. Научные доклады высшей школы
Филологический класс
Филология и культура
Филология и человек
Филология: научные исследования

НЕ ПОРА ЛИ ПЕРЕСТАТЬ БОЯТЬСЯ ТАРАКАНИЩА? ДИССЕРТАЦИИ ПОД ЛУПОЙ „ДИССЕРНЕТА“

Как и многие другие сферы общества, наука представляет собой социальный институт, то есть набор общественно признанных и формализованных правил и действий, служащих для производства и экспертизы знания.

Это выделение круга субъектов научной деятельности, установление форм их организации и взаимодействия; разработка норм и предписаний, регулирующих поведение людей в рамках социального института; наличие значимых для жизни общества функций науки. Например, научная экспертиза регламентирована и может проводиться определённым кругом лиц в определённых рамках при соблюдении норм профессиональной этики. Подобного рода ограничения разработаны для того, чтобы исключить случайность экспертов, непрофессионализм и другие негативные для развития науки факторы. Конечно, это не всегда удаётся в полной мере, однако институциональность как таковая необходима в любой сфере жизни, в том числе и в науке.

Одно из проявлений кризиса, который переживает сегодня гуманитарное знание, – появление неинституциональных структур и их активное вмешательство в деятельность какой-либо сферы жизни общества. Яркий пример – деятельность «Диссернета», именующего себя вольным сообществом и состоящим, как явствует из их сайта (dissernet.org), из экспертов и активистов.

Качество так называемых экспертов подробно охарактеризовано в недавней статье С. С. Ипполитова «Российские научные журналы под лупой «Диссернета»: «Борьба за чистоту науки» или «Чистой воды болтовня?»» (Экономический журнал, 2016, № 4, с. 8–27; находится в свободном доступе).

А что такое активисты? Мне на глаза постоянно попадают тексты Ивана Бабицкого. Насколько я могла понять, этот молодой человек учёной степени не имеет, обучается сразу в трёх аспирантурах по лингвистическим специальностям (понятно, что делать это качественно нереально) и постоянно публикует в СМИ громкие заявления по поводу докторской диссертации В.Р. Мединского «Проблемы объективности в освещении российской истории второй половины XV–XVII вв.» (2011, специальность 07.00.02 – отечественная история). Выступает он как раз в статусе активиста, профессиональным историком не являясь и не обладая достаточной научной квалификацией для проведения каких бы то ни было экспертиз. Статус активиста хорош для инициатив вроде сбора средств для жителей Донбасса, но никак не для оценки научности квалификационных работ. Почему такие «активисты» получают трибуну для демонстрации своего непрофессионализма, почему к ним прислушивается ВАК? Почему они позволяют себе вмешиваться в работу научных организаций? Только один пример некомпетентности критиков упомянутой диссертации: одним из основных упреков в адрес В. Р. Мединского стало наличие в его диссертации тезиса о том, что *«...критерием положительной или отрицательной оценки... могут быть только национальные интересы России. Первый вопрос, на который должна честно ответить историческая наука, – насколько то или иное событие или частное деяние отвечает интересам страны и народа. Взвешивание на весах национальных интересов России создаёт абсолютный стандарт истинности и достоверности»*. Как лингвиста, не чуждого теории дискурса, меня не могло не возмутить утверждение «активистов» о ненаучности этого подхода. Как согласовать это обвинение с тем, что мы живём в эпоху доминирующего господства в гуманитарном знании конструктивистской методологии, утверждающей примат общественных построений и толкований реальности. Весь XX век, собственно, и прошёл в социальной философии под знаком осознания и обоснования различий в изучении природы и изучении общества, под знаком утверждения множественности истины при изучении

социальных явлений. Как отмечал ещё Мишель Фуко, все понятия предстают перед индивидом не в некоем «естественном» виде, а как результат дискурса: *«Мир – это не сообщник нашего познания, и не существует никакого пре-дискурсивного провидения, которое делало бы его благосклонным к нам. Дискурс скорее следует понимать как насилие, которое мы совершаем над вещами, – во всяком случае – как некую практику, которую мы им навязываем; и именно внутри этой практики события дискурса находят принцип своей регулярности»* (Фуко. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996, с. 80). И это с неизбежностью заставляет признать чрезвычайную значимость интерпретации в деле создания социального мира.

Следствие только одно: гуманитарное знание национально. Оно и нужно-то для создания у народа положительного образа себя, своей истории и культуры. *Единственная цель существования гуманитарной интеллигенции – это создание дружественных для своей культуры интерпретаций.* И если она эти интерпретации не создаёт, то не оправдывает своё существование. В противном случае получаем научную власовщину. Под этим термином я понимаю предательство интересов России, нелюбовь и даже ненависть к своей стране и отражение этой ненависти в интерпретациях реальности. Я не касаюсь сейчас одиозных авторов-русофобов, как, например, И. Яковенко, а отмечаю лишь заметный рост антироссийского дискурса, создание и внедрение новых дискурсов, вредящих стране и её гражданам, намеренно дискредитирующих, дегероизирующих, криминализирующих и опошляющих нашу историю и культуру, а также попытки тиражирования этих интерпретаций как в научной литературе, так и в СМИ. Антироссийский дискурс коснулся даже языкознания: русский язык подвергается нападкам. Политизированность породила даже термин «лингвонарциссизм» – в нём обвиняют русских учёных и даже писателя Ивана Тургенева. Полемика продолжается и по сей день (см., например, дискуссию в журнале «Политическая лингвистика», 2011) и принимает подчас весьма ожесточённый характер.

Утверждается, например, что влияние русского языка в Прибалтике должно быть ограничено, что *«русский ассоциируется с оккупацией и насилием, в то время как английский язык, всё более явственно проникающий на латвийскую территорию (особенно в области лексики), рассматривается как язык Свободного Мира»* (Braselmann, Petra. Language Policies in East and West. National Language Policies as a Response to the Pressures of Globalization // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. – S.111).

И мы должны считать это нормальным и принимать подобные интерпретации? Конечно же, нет. Поэтому предложение В.Р. Мединского тщательно – и критически! – изучать тексты иностранцев о России также весьма значимо и вполне правомерно. Ещё один яркий пример – недавняя скандальная защита докторской с апологией предателя Власова. К чести ВАК провласовская диссертация была отклонена, но тем более странной кажется позиция экспертного совета ВАК по истории и археологии по отношению к им же утверждённой в 2011 г. диссертации В.Р. Мединского. Почему вообще решение ВАК от 2011 года подверглось ревизии лишь на основании весьма сомнительных утверждений весьма сомнительного сообщества? Почему несколько вузов вынудили проводить повторные экспертизы (кстати, они всё равно дали положительную оценку этому научному труду). Несостоятельность критических аргументов «Диссернета» подробно разъяснена в статье А.В. Семёнова «Казус Мединского и две парадигмы общественного контроля научной аттестации» (Экономический журнал, 2017, № 1, с. 12 –150); в ней же убедительно показано, что даже поиск плагиата, которым занимается «Диссернет», весьма уязвим для критики, поскольку в нём не различаются совпадение формы и совпадение содержания. Но в этой статье есть ещё примечательный момент – она опубликована под псевдонимом – случай весьма редкий для научного издания. Глубокая и весьма содержательная статья А.В. Семёнова, посвящённая правовому аспекту лишения лица учёной степени и содержащая очень обоснованную критику «Диссернета», а также в пух и прах разбивающая доводы желаю-

щих лишить В.Р. Мединского учёной степени, предваряется следующим редакционным текстом:

«...имя автора публикуемой статьи является псевдонимом. Редакция «Экономического журнала» решила сделать исключение из правил и не публиковать истинные данные уважаемого исследователя. При принятии этого решения редакция руководствовалась порочной и крайне тревожащей практикой общения, навязываемой «сетевым сообществом «Диссернет» научной общественности. Увы, с некоторых пор оскорбления, открытая травля оппонентов, фальсификации и ложные обвинения стали нормой для деятелей «Диссернета». Самый свежий пример – травля редакции журнала «Новый исторический вестник», которая была ложно обвинена в публикации статей авторов так называемых красочных диссертаций за конструктивную критику «отцов-основателей» «Диссернета». Когда одному из них – Андрею Ростовцеву – был задан вопрос, почему «Диссернет» публикует сфальсифицированную информацию о научных журналах, обвиняя их в публикации статей, которые никогда не выходили в свет, г. Ростовцев ответил буквально следующее: «Да, статьи этих авторов в «Новом историческом вестнике» никогда не публиковались. Однако ПУСТЬ ПОКА ПОВИСЯТ».

Понимая, что при таком беспринципном подходе к обсуждению серьёзных и наболевших проблем отечественной науки авторы, выступающие с критикой «Диссернета», не застрахованы от оскорблений и провокаций со стороны последнего, редакция и приняла решение защищать авторов некоторых полемических статей псевдонимами» (Экономический журнал, 2017, № 1, с. 128).

Чем же так страшен «Диссернет»? Почему же – вопреки научной традиции – критика «вольного общества» в научной периодике публикуется под псевдонимом? Почему, несмотря на целый ряд новых экспертиз, экспертный совет ВАК рекомендует лишить автора обсуждаемой диссертации учёной степени? Плагиата в диссертации нет. Авторитетные и компетентные эксперты повторно дали положительное заключение. Учёные

МГУ нашли в себе мужество не пойти на поводу у «активистов» и отказались от повторного рассмотрения диссертации в связи с несоответствием аргументов вольного сообщества Положению о присуждении учёных степеней. Истинно научную и гражданскую позицию заняли академики С. П. Карпов и А. О. Чубарьян. Всё это позволяет надеяться на прекращение травли (а иначе я не могу назвать вакханалию вокруг диссертации патриотически настроенного министра культуры). Не напоминает ли это ту самую цензуру, о недопустимости которой столько говорено? И кто столь упорно стремится лишить министра учёной степени? На мой взгляд, это не что иное, как сведение политических счётов, в которое оказался вовлечён и ВАК. Иначе объяснить столь упорное желание дискредитировать вполне достойную работу и лишить её автора учёной степени просто невозможно. А «блех» наловить довольно легко в любой диссертации – заявляю это со всей ответственностью как активный оппонент, перед которым прошли десятки квалификационных работ.

Какой же эффект будут иметь действия экспертного совета ВАК в научном сообществе, и без того переживающим не лучшие времена? Безусловно, одно из последствий – потеря авторитета среди учёных и создание отрицательной мотивации для исследователей, готовящихся к защите и их руководителей, и консультантов. Неужели же действительно столь велика боязнь «Диссернета»? Тут просто напрашивается аналогия с известным произведением Корнея Чуковского. Не пора ли перестать бояться Тараканища?

На мой взгляд, деятельность «Диссернета» ведёт не к очищению науки, а к дезорганизации и разрушению научного сообщества и самой науки как социального института, а также служит дубиной в тёмных политических играх. Боюсь, что это и есть главная цель «вольного общества». Не удивлюсь, если оно вдруг окажется иностранным агентом или же спонсируется кем-то из ненавистников страны внутри России. Такая информация уже проскользнула в одном из блогов: «Расходы «Диссернета» покрыты тайной полностью. Хотя на одном из заседаний диссоветов молодой и менее опытный участник проговорился

о наличии у него некоей «бухгалтерии». По официальной позиции «Диссернет» является полностью распределённым сообществом, не имеющим никакого юридического статуса, и не даёт отчёта о потраченных средствах, собранных у населения. При этом организация «Диссернет» существует на поступления от зарубежных источников. Об этом свидетельствует их страница на портале сбора средств на благотворительные цели Планета.ру. Данные об этом размещены по адресу <https://planeta.ru/campaigns/2>. Там, в частности, указано, что средства им были пожертвованы следующим иностранным лицом: Александр Блейхер, США, Bellevue» (<https://cont.ws/@fandorin/567790>).

Всё это напоминает дурной сон. Пора просыпаться.

Алла Кирилина,

Литературная газета, 18-24 октября 2017 г., № 41(6617).

– <http://lgz.ru/article/-41-6617-18-10-2017/ne-pora-li-perestat-boyatsya-tarakanishcha/>

ИЗДАНО ФАКУЛЬТЕТОМ ЖУРНАЛИСТИКИ ВГУ

«Акценты. Новое в массовой коммуникации». Все выпуски научно-практического альманаха содержат традиционные рубрики: «Слово редактора», «Теория и практика журналистики», «Язык массовой коммуникации», «Реклама и PR», «Методика» и др.

В № 7-8-2016 выделяется публикация В. Колобова «Написал завещанную повесть...» – о дневниковых записях А. В. Жигулина в связи с созданием автобиографической повести «Чёрные камни». Под рубрикой «Теория и практика журналистики» размещены статьи В. Дабежи «Классификация сетевого вирусного аудиоконтента», В. Колесниковой «Цифровое телевидение в России: виды и преимущества», С. Страшнова «Актуальные медиапонятия», И. Трофимовой «Гражданская журналистика как следствие процессов конвергенции в медиасистеме XXI века». Рубрику «Реклама и PR» представляет статья Е. Дубровиной «Медийная повестка дня в избирательный период и негативизация политического имиджа», а рубрику «Энциклопедия воронежской журналистики» – информация о трех районных газетах «Прихопёрье», «Сельская новь» и «Семилукская жизнь».

В № 1-2-2017 В. Колобов продолжил цикл публикаций о жигулинских дневниках («Воронеж и воронежцы в писательском дневнике А. В. Жигулина»). Под рубрикой «Энциклопедия воронежской журналистики» В. Руденко опубликовал статью предваряющую столетний юбилей главного областного СМИ: «Газета “Коммуна” на рубеже веков (1993 – 2016 гг.)». Актуальна публикация И. Стернина «О научных статьях и рейтингах».

На открытие № 3-4-2017 поставлена дискуссионная статья академика РАН, директора Института Волги Г. Розенберга «РАН, ФАНО, ВАК, WoS, ХИРШ и другие буквосочетания, или что принесла «перестройка» фундаментальной науки и образования?..». Выделим также публикации профессора МГУ А. Тертычного «Модели отечественной журналистики советского и

современного периодов» и профессора ВГУ В. Сапунова «Политическая экономия зарубежного медиасектора в 2016 году: основные события». Под рубрикой «Студенческий опыт» вышло сразу три материала: Н. Ключевой «Реклама и общественные ценности: проблемы взаимовлияния», Д. Колесовой «Специфика создания имиджа России в западных СМИ (на примере общенациональной ежедневной газеты *USA-Today*): особенности подачи новостной информации и редакционных мнений» и Е. Светачевой «Виды портфолио и особенности его использования в образовательном процессе». Представительным получился исторический раздел: М. Вязовой «С лейкой и блокнотом...», Г. Жирков «Без живописца и градыровального мастера обойтись невозможно будет...», Л. Кройчик «Читая классику». Наверняка привлечет внимание читателей исследование И. Хорשוновой «Лингвоэтические проблемы современных СМИ».

«Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика». В разделе «Журналистика» № 4-2016 заметное место занимают статьи по зарубежной журналистике (Д. Быков «Конкурентная борьба основных телевизионных холдингов США в первое десятилетие вещания (1946 – 1956 гг.)», Кейта Кали «Влияние ислама на политику и СМИ в республике Мали», И. Телоев «Основное содержание и характер проблематики грузинских СМИ в период правления Михаила Саакашвили» и др.).

В № 1-2017 выделим публикацию Е. Бебчук и М. Запрягаевой «Отражение особенностей современного произношения и ударения в орфоэпических словарях: трудности выбора базового словаря», а также статьи исторического направления (А. Бойчук «Этапы развития телевидения в Серове (1990 – 2014 гг.)», И. Колодяжный «Историософская публицистика В.В. Кожина», Е. Курбакова «Постановление Казанской судебной палаты по прессе 1906 г. в контексте отзыва московской периодической печати»).

В № 2-2017 опубликованы разнообразные по тематике и проблематике статьи о вьетнамской журналистике (Нгуен Минь Туан «Война во Вьетнаме и общественное мнение», Чан Ван

Ле «СМИ Вьетнама как фактор диалога с мировой культурой», Нгуен Тхи Хуен Чанг «Имидж Вьетнама в американском кино (на материалах известных фильмов)»).

В № 3-2017 привлекают внимание статьи, связанные с поэтикой публицистики и проблемами журналистского мастерства: Н. Иова «Авторские ресурсы публицистического высказывания», З. Куб «Театральная критика Юрия Рыбакова в журнале «Театр», Ю. Ткаченко «Язык радио в полиэтничных условиях: опыт Приднестровья».

Продолжающееся ежегодное издание *«Современные проблемы журналистской науки»* включило статьи ученых из Воронежа, Иваново, Москвы, Тамбова и Томска.

Сборники тезисов докладов Всероссийских научно-практических конференций, проходивших в Воронеже, *«Проблемы массовой коммуникации: новые подходы»* (октябрь 2016 г.) и *«Коммуникация в современном мире»* (май 2017 г.) по традиции вышли в двух частях и обширны как по тематике, так и по географии авторов публикаций.

Кафедра стилистики и литературного редактирования выпустила несколько важных учебных пособий: Е. Бебчук, М. Запрягаева, Л. Сандлер *«Орфоэпия»* (2016 г.), Е. Бебчук, И. Хорошунова *«Трудные вопросы орфографии»* (2016 г.), А. Шишлянникова, И. Хорошунова *«Литературное редактирование медиатекстов: теория и практика»*, А. Шишлянникова, И. Хорошунова *«Литературное редактирование медиатекстов: рабочая тетрадь»*, Т. Павлова, Л. Сандлер, Е. Курасова *«Русский язык как иностранный. Выпуск 9»* (все – 2017 г.). К этим изданиям прилагается учебно-методическое пособие, подготовленное на кафедре английского языка ВГУ: *«Английский язык и Латинь»*, составители которого Е. Петлякова и В. Юмашева рекомендуют его для организации аудиторной и самостоятельной работы студентов журфака.

Кафедра истории журналистики и литературы представлена в этом обзоре методическим указанием *«История отечественной журналистики (часть 1: 1702 – февраль 1917 гг.)»* (составитель Н. Козлова), учебно-методическими пособиями

«**Основы теории литературы**» (автор-составитель С. Савинков) и «**История русской литературы XI-XVIII веков**» (автор – С. Гладышева). Последнее издание отражает структуру первой части курса «История отечественной литературы», показывая самобытность словесности Древней Руси и XVIII столетия. При этом краткое содержание лекционных и практических занятий дополнено дидактическим аппаратом.

Кафедра теории и практики журналистики подготовила несколько пособий по практике для магистрантов (Т. Хомчук-Черная «**Программа практики**»), для бакалавров заочного отделения (В. Колесникова, Т. Хомчук-Черная «**Программа практики**») и учебно-методический альманах «**Практика**» (отв. за 8-й выпуск Т.Н. Хомчук-Черная).

Подобное же учебно-методическое пособие выпущено на кафедре рекламы и дизайна: «**Организация и проведение практики**» – для бакалавров направления «Реклама и связи с общественностью» (автор – Л. Щукина). На этой же кафедре написаны книги В. Тулупова «**Выпуск СМИ: медиадизайн, моделирование, организация работы редакции**», А. Маслова «**Этическое и правовое регулирование фотожурналистики**» и учебно-методическое пособие «**Контент-анализ в арсенале исследований рекламы и связей с общественностью**» (составитель Е. Красова).

Четыре книги вышли на кафедре телевизионной и радиожурналистики: Н. Гаг «**Радиодраматургия: радиотеатр в системе жанров радио**», О. Пинчук «**Детское интернет-радио: аудитория, характеристики, современное состояние**», В. Сапунов «**Мультимедийное телевидение: технологии, политическая экономия и социокультурный аспект**», А. Шестерина «**Авторская телепередача**».

Продолжает свою историю «Библиотечка журфака»: в этой серии вышли эссе Натальи Гаг «**Облако сна**», рассказы Анны Шишлянниковой «**Чтобы бесследно не пропасть...**», стихи Владимира Тулупова «**Углы зрения**».

Подготовил Василий Тулупов

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора-составителя.....3

ОТКРЫТИЕ НОМЕРА

Геннадий Розенберг. РАН, ФАНО, ВАК, WoS, ХИРШ и другие буквосочетания, или что принесла «перестройка» фундаментальной науки и образования?.....4

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЖУРНАЛИСТИКИ

Юрий Гордеев. Основы теории журналистики как преподавательская дисциплина.....54

Сергей Страшнов. Научно-практические конференции как средство консолидации регионального медиасообщества..58

Владимир Тулунов. Теория журналистики: современные подходы...62

МЕТОДИКА

Елена Бебчук. Эффективный учебный план в условиях оптимизации образовательного процесса.....66

РЕЦЕНЗИЯ

Сергей Васильев. О медиадизайне и выпуске СМИ.....69

ОБЗОР

Российские научные журналы по журналистике.....71

Список журналов ВАК в предметной области

«Филологические науки» («Литературоведение»).....79

ДАЙДЖЕСТ

Алла Кирилина. Не пора ли перестать бояться Тараканища? Диссертации под лупой „Диссернета“85

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

Издано факультетом журналистики ВГУ.....92

Научно-методическое издание

УМО-РЕГИОН
Выпуск 17
под ред. Е.М. Бебчук

Компьютерная верстка: П. И. Новиков

Подписано в печать 27.10.17 Гарнитура Minion Pro
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 2,82 Тираж 60 экз.

Воронежский государственный университет
Факультет журналистики
394068, Воронеж, Хользунова, 40-а
Тел. (473) 274-52-71 E-mail:bebchuk@jour.vsu.ru

Отпечатано в типографической лаборатории факультета
журналистики ВГУ